

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Эпос «Урал батыр» на русском языке

Поэтический перевод. Автор — поэт Шафиков Газим Газизович

Глава 1

О том, как жили старик Янбирде и старуха Янбика; о том, как старший их сын Шульген не сдержал наказа отца, не няня словам матери; как дочь царя Самрау по имени Хумай оказалась у них в плену.

В древнюю пору, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Куда никто не ступал ногой
(И на целом свете никто
Не знал, не ведал о суше той),
С четырех сторон обступала
Это место морская вода.
С незапамятных пор проживала
Там семейная чета:
Старик по имени Янбирде
С Янбикою, старухой своей.
Куда б они не желали пойти,
Не было преград на их пути.
Как на земле оказались той,
Где мать, отец их, где край родной,
Говорят, они сами забыли.
Так иль нет, в стороне морской
Жизни семя они заронили.
Двое детей родились у них,
Двое сыновей удалых.
Шульгеном старшего нарекли,
Уралом младшего нарекли.
Так и жили они вчетвером,
Не видя людей, в местечке глухом.
Своего не имели скота,
Не обзаводились добром,
Даже не вешали котла
Над полыхающим костром;
Не знали, что такое болезни,
Смерть была им неизвестна;
Полагали: для всех на свете
Сами они являются смертью.
На охоту коней не седлали,
Лука и стрел еще не знали,
Приручили и держали
Льва-арслана, чтоб их возил,
Сокола, чтобы пернатых бил,
Пиявку, чтоб кровь животных сосала,
Щуку, чтоб рыбу для них хватала.
С древности тот обычай дошел
И навеки с ними остался,
Янбирде ли его завел:
Когда зверь-самец попадался,
Старики его убивали,
Голову его поедали,
Шульгену же и Уралу,
А также льву-арслану,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Соколу и прожорливой щуке
Остальное поесть бросали.
Когда ж самку зверя они убивали,
Для пищи лишь сердце ее вырезали.
Ну а черных пиявок болотных
В травоядных вонзали животных,
Чтобы из выцеженной крови
Себе напиток изготовить.
Малолетним детям своим,
Что охотой не промышляли,
Пить кровь, есть голову или сердце
Строго-настрого запрещали.
Росли сыновья день за днем,
Крепли и телом, и умом.
Вот и двенадцать Шульгену стало,
Десять уже было Уралу.
— Сяду на льва, — молвил один.
— Сокола пущу, — сказал другой.
Оба брата — Шульген и Урал —
Приставали к отцу.
И сказал Янбирде, потеряв покой:
— Оба для нас вы родные дети.
Радость единственная на свете.
Ваши зубы еще не сменились,
Ваши мускулы не укрепились,
Рано в руки сукмар вам брать,
Рано сокола в высь запускать,
Не вышел час вам на льва садиться.
Ешьте то, что я вам уделю,
Делайте то, что я вам велю;
Чтобы ездить верхом научиться,
И оленя вам хватит пока.
На залетную стаю птиц
Можете кобчика запустить;
Если жажда охватит вас,
Можете воды ключевой испить.
Но кровь, что в раковины налита.
Пусть не коснется вашего рта.
Так по несколько раз подряд
Наставлял он их, говорят.
Запрещая им вновь и вновь
Цедить из раковины кровь.
И вот в один из погожих дней
Старик со старухой своей
На охоту пошли вдвоем,
Оставив жилище на сыновей.
Немало времени миновало,
Как старики на охоту ушли,
И два брата — Шульген с Уралом —
Разговор о еде повели.
Шульген раздумывать долго не стал.
Хоть о запрете отцовском он знал:
С тою раковиной не шутить,
Ни за что из нее не пить,
Все ж уговаривать брата стал,
Всячески его подстрекал:
«Если б охота на зверей
В душу не вливала бы радость.
Если пить кровь для взрослых людей

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Не представляло какую-то сладость,
Мать и отец без сна и покоя.
Дома оставив нас с тобою,
На охоте бы не бродили.
Так зря не будем время терять.
Раковину поскорей откроем.
Выпьем по капельке, чтобы узнать
Крови вкус — что это такое». Урал:
«Пусть та кровь и очень сладка,
Я не сделаю и глотка,
Пока не вырасту я егетом,
Пока не узнаю причину запрета,
Пока не пройду по белому свету
И не уверюсь, что на свете
Больше нет и в помине Смерти,
Сукмаром никого не ударю.
Никакой не убью я твари,
Высосанной пиявкой крови
Пить не стану я — вот мое слово!»
Шульген:

«О том, что Смерть не сильнее людей,
Что до нас не добраться ей,
Что не найти ей нас никогда,
Повторял вам отец всегда.
„Мы сами Смерть для твари любой“,—
Не устает отец говорить.
Что же случилось вдруг с тобой.
Что боишься крови испить?»
Урал:

«В расторопности, быстроте,
В силе, росте иль красоте,
В осторожности и терпенье,
В чуткости каждого движенья
Днем ли, ночью ли — каждый час —
Лев, сохатый или барс.
Дикий медведь или зверь любой —
Неужели слабее нас?
Лапы, копыта ль о камни бьют.
Шерсть ли свою о колючки рвут, —
Все же не стонут и не хромают,
В зной одежду свою не снимают,
В стужу шубу не надевают.
Если на добычу метнутся,
То не сукмаром уж замахнутся;
На охоте не знают хлопот,
Каждый собственной силой живет;
Оружие их — только зубы да когтя,
Каждый сноровкой берет своей.
Тот удачлив из них, кто сильней,
Тот добычлив, кто половчей.
Если же ноги им затянуть.
Нож занести, чтоб в гордо воткнуть, —
Звери, живущее в этих местах,
Что наводят всеобщий страх,—
Лев ли это, иль барс лесной,
Словом, хищник сильный и злой, —
Не заплачет ли сам тотчас,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

В смятенье и ужасе глядя на нас?
Иль не видят они в человеке
Врага, что зовется Смертью-злодейкой?
Коль друг на друга их натравить.
Щуку на плотву напустить.
На суслика — хорька,
На зайца — лису,
Не возвысится ли, как Смерть,
Над слабым — более сильный зверь?
Скажи, не мы ли здесь вчетвером
В глазах животных и птиц — злодеи?
Не мы ли гибель повсюду сеем,
Страх на всех наводя кругом?
Не мы ли тех, кто Смерти боится,—
Рыбу, что в глубь озер стремятся,
В зарослях поющую птицу —
Ловим и головы отрезаем.
Сердце вспарываем и съедаем,
Тварью ничтожною их считаем?
Не мы ли это вчетвером,
Обычай гибельный насаждая,
Здесь посеяли смерть кругом?
Если когти в сукмар превратив,
В хищного сокола дух обратив.
Звери эти в гневе большом,
Когда-нибудь в порыве одном
Задумают захватить наш дом, —
Смерть, что лютой злобой полна.
Смерть, что нашим глазам не видна,
Пред нашими не взойдет ли глазами.
Не расправится ли и с нами?»
Услыхав такие слова,
Шульген задумался было сперва,
Но решил он все же потом
Вновь упорствовать на своем.
Кровь отпил, и, боясь расплаты.
Задумал Уралу закрыть он рот:
И заставил поклясться брата,
Что отцу тот не донесет.
С богатой добычей вернулись домой
Старик со старухою, говорят.
По обычаю, всей семьей
Распотрошили дичь, говорят.
И пред обильною едой
Уселись, довольные собой.
И, призадумавшись, сказал
Долго хранивший молчанье Урал:
«Отец, вот эту самую дичь,
Хоть от тебя скрывалась она,
Хоть бежала, страха полна,
Ты сумел на охоте настичь,
В горло нож ей сумел вонзить;
Не случится ль и с нами такое —
Существо не найдется ль живое.
Чтобы в схватке нас победить?»
Янбирде:

«Тем, кому суждено умереть,
Мы несем неизбежную смерть.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Куда б от нас они не сбегали —
В горную высь иль лесные дали, —
Беглецов все равно мы найдем,
Горло им перережем ножом.
Нету здесь существа такого,
Кто б человека мог победить живого,
Над головой нож занести.
Не было Смерти от века здесь,
Чтоб нам смертельный удар нанести.
Там, где некогда мы родились.
Где предки свою коротали жизнь,
Смерть еще могла обитать —
Там, в расцвете жизни своей
Множество умирало людей.
Див однажды туда пришел.
Видно, был на людей он зол —
Убивал их и пожирал;
И покрыла всю землю вода,
Суша скрылась под ней навсегда.
В живых оставшиеся тогда
Разбрелись по земле кто куда.
Не осталось для Смерти дела.
Решив, что всех она одолела,
Не подумав о тех, видать,
Кто успел от нее сбежать;
От ее неусыпной стражи
И мы сбежали с матерью вашей.
Край наш пуст был. Нога человека
Не ступала сюда от века.
Потому-то в этих местах
Не одолевал нас пред Смертью страх.
Было мало здесь дичи, зверья
В дни, когда мы в эти края
Забрели. В озерцах и топи
Проступали размытые тропы».
Урал:

«Отец, если за Смертью пойти,
Можно ли будет ее найти?
Если ж удастся настичь, скажи,
Можно ли голову ей размозжить?»
Янбирде:

«Смерть коварна.
Она ни разу
Открыто не являлась людскому глазу.
Невидимкой та тварь живет —
Никто не знает, когда нападет.
Есть тут только одна возможность:
В царстве дивов, на дальней земле,
Протекает живой родник.
Выпьет кто из него — и вмиг
Обессмертит себя, говорят,
Смерть отступится, говорят».
Поведав такое о Смерти и насытившись едой, старик вытащил раковину, чтобы испить крови. Увидев, что содержимое раковины убавилось, Янбирде стал допытываться у сыновей, кто из них выпил кровь. Шульген стал изворачиваться: мол, никто к той крови не прикасался. Старик Янбирде взял палку и начал поочередно колотить своих сыновей. Из жалости к брату продолжал молчать и Урал, а Шульген, не выдержав, признался отцу в своей вине. Когда старик опять начал бить Шульгена, Урал схватил руку отца и сказал ему такие слова:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

«Отец, одумайся, посмотри
На палку ту, что в руке твоей,
По ней глазами пробеги:
Была молода она средь ветвей.
Нынче остругана она,
Вся побита, повреждена,
В палку голую превращена,
С треском сломится — лишь согни.
Ты на палку, отец, взгляни:
Пока ту ветвь не срубил ты в бору,
Росла она, шелестя на ветру,
Трепетала юной листвою
На стволе вербы молодой.
Птичья стая, пчелиный рой
На ту ветку дружно садились;
Птицы звонко на ней веселились,
Гнезда вили на ней весной.
Может, избранной ветка была,
Жизнь беззаботную вела;
Как младенец» что грудь сосет,
Через корни ствола она
Влагу вбирала из речного дна.
Ты от корней ее отдрал,
Все листочки ее оборвал;
Стала палкой теперь она.
Стала, как сокол, что птицу сбивает,
Стала, как щука, что рыб пожирает,
Стала пиявкой, что кровь сосет,
Стала собакой, что кость грызет, —
Не такую ли стала она,
Не насильницей стала ль она?
И со лба отеревши пот,
Не приготовился ль ты теперь
В доме своем, где заперта дверь,
Увидеть ту, что Смертью зовется.
Про которую ты сказал,
Мол, увидеть уж не придется?
Не потому ли, скажи, на сына
Ты замахнулся этой дубиной?
Иль на себе мы должны опять
Силу Смерти злой испытать?
Если сегодня брата убьешь,
Завтра в меня вонзишь свой нож,
Если останешься одиноким.
Сделаешься стариком глубоким,
В три погибели станешь сгибаться,
На льва не в силах будешь забраться,
В лесу охотиться, дичью питаться,
На зверя сокола запускать.
Корм охотничьим птицам давать, —
И твой лев, и собака твоя
Не помрут ли от голода тут,
Тоской глаза их не затекут?
Отчаявшийся от голода лев,
Впав на привязи в страшный гнев,
Не сорвется ль, остервенев,
Самого не сомнет ли тебя,
Не разорвет ли тебя на куски,
Не откинет ли прочь от себя?

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Не увидишь ли облик свой
В Смерти, представшей перед тобой
В миг последний гибельный свой?
Услышав такие слова, старик Янбирде перестал бить Шульгена. «Смерть может явиться и невидимкой; наверное, это она и пришла, вот меня и искушает. Не может быть, чтобы никто не видел своими глазами Смерть. Надо расспросить зверей и птиц», — подумал он и созвал лесное население. Обращаясь к собравшимся зверям и птицам, Урал сказал так:

«Злодейку, по прозванию Смерть,
Мы всегда узнавать должны.
Обычай сильных слабого есть —
Мы отвергнуть навек должны.
Если друг друга переберем,
По имени каждого назовем,
То каждый укажет на тех, кто здесь
Кровь не пьет и мясо не ест,
Кто слез не проливает ничьих,
Одни из них кормят себя корнями.
Другие — листьями и стеблями.
Так и живут, никому не вредят,
Только детишек своих плодят,
А те попадают в хищную пасть —
Знает об этом каждый из нас.
Смерть совсем не чужда таким:
Пьющие кровь, рвущие мясо —
Врагами навек останутся им.
Обычаи хищные прекратим:
Тогда одинокой останется Смерть —
Вместе смерти ее предадим!»
Но словам воспротивились тем
Хищники, и с ними Шульген,
Начался между ними спор,
Неразбериха, шум и раздор.
Ворон:

«Я нисколечко не боюсь
Встретить Смерть — от нее не таюсь.
Только с тем, чтобы Смерть убить,
Никогда не соглашусь.
Хоть я стар, но от этого дела —
Пусть наперекор всем, но уклонюсь,
И потому говорю вам смело:
Если сильные на слабых
Вдруг охотиться перестанут,
Иль всякого, кто рожден на свет,
Отныне обходить будет Смерть;
Если осенью в строгие сроки
Не выпадут заморозки, а деревья,
Изменив законам природы,
Не сбросят листву на зимнее время,—
Есть ли прок в том живым на земле?
Коль зайцу подобно каждый зверек
Б год дважды иль трижды станет плодиться,
И, объедая все по ночам.
Зелени после себя не оставит,
Что останется прочим зверям —
В поисках пищи бродить по полям?
Если целые стаи пернатых —
Уток, гусей и журавлей —

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Водную гладь собою покроют,
Будут в светлой воде плескаться;
Если, решив, что текут впустую,
Реки вдруг течь перестанут:
Мол, зачем размывать берега?
Если, сочтя, что порядок такой
Есть незыблемый мира обычай,
Птицы не будут давать нам покой;
Если, примеру следуя птичьему,
Бить родники перестанут свободно,
Если протухнут земные воды,
Что мы станем делать тогда?
Откуда пища живым и вода?
Бывало, рискуя головой,
Понапрасну вступал я в бой;
Хоть голод к нужде испытал,
Терпел лишения и страдал,
Все же; если в три дня хоть раз
Не поклюю у падали глаз,
Если чью-то кровь не попью,
Мяса кусочек хотя б не вкушу,
Жизнь не жизнь мне на этом сеете,
Уволить меня потому прошу
От поисков и наказания Смерти».
Сорока:

«Тварь, которая Смерти боится,
Будет встречи с ней избегать.
Если надобно ей плодиться,
Станет укромное место искать».
И с сорочьими теми словами
Все — и тигр, и леопард,
Лев могучий, волк и барсук,
И зубастая, жадная щука —
Согласились, говорят.
Ведь птицы, что сюда по весне летят,—
Гуси, утки, журавли,
Дрофы, рябчики, тетерева —
Только и мечтают о том,
Чтобы птенцов выводить, и потом
Научить их вольно летать.
Но пред этим надо искать
Гнезда по чащобам лесным,
Жира набираться самим.
Лишь косули и с ними олени,
Да еще бурощекий заяц,
На длинные ноги свои уповая,
Безответными оставались.
Еще воробей, дрозд и скворец,
Трясогузка, ворона и галка,
Поживившиеся червячками,
Словно подавившись словами,
В стороне ото всех отмолчались.
Сказала кукушка: «Я гнезд не имею,
Я детишек своих не лелею.
Пусть тот, кто в детях души не чаает,
Кто их холит и величает,
Как захочет, так и живет,
Норы роет и гнезда вьет».

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Каждый по-своему рассуждал,
По-своему думал-гадал,
Так, к единству и не придя,
Немного времени погодя,
Разошлись они, говорят.
Сник после этого старик,
Выходить на охоту один
Стал бояться, и вовсе отвык.
Как-то четверо — всей семьей —
На охоту ранней порой
Вместе отправились они.
Много дичи набив лесной,
Воротились к лачуге своей.
Средь добычи — птиц и зверей —
Была лебедушка... И когда
Вдруг нависла над ней беда:
Чтобы на мясо ее искромсать,
Стал старик оттачивать нож,
Пробрала лебедушку дрожь,
Стала просить она, умолять:
«Летела я, чтобы мир посмотреть;
Не земное создание я,
У меня есть страна своя,
Не бездомная я сирота.
Когда на земле не было никого,
Никто не касался ногами ее,
Нельзя было друга себе найти,
Подругу на жизненном пути,
Мой отец — повелитель птиц —
Всюду пару искал себе,
Но не было такой на земле.
Чтобы равную отыскать,
Ринулся отец к небесам,
Встретил Солнце с Луною там,
Всею душою их полюбил.
Родилось у него двое детей.
Ни я с сестрою сводной своей,
Ни отец наш болезней не знали,
Смерти власть мы не признавали.
Отец мой поныне властвует там.
Я с мольбой обращаюсь к вам:
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края.
Если ж сладите меня, все равно
Стать мне пищею не суждено —
Лягу внутри у вас камнем я.
Водою из Живого ручья
В детстве тело мое омыла
Солнце-Кояш — мать моя,
Светом бессмертья меня озарила.
Отпустите же вы меня.
Мой отец под землю даже
Меня отыщет и вас накажет.
Дочь я царя, чье имя Самрау,
А зовут меня Хумай;
Если волосы разовью,
Лучами златыми всю землю залью.
Утром я тороплю зарю,
Ночью свет я луне дарю.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края,
Путь к Живому роднику
Указать я вам смогу».

Услышав такие слова, Янбирде и Янбика стали держать совет с детьми. Шульген был за то, чтобы съесть птицу. Урал — за то, чтобы ее отпустить. Из-за этого они затеяли между собой ссору. Урал забрал птицу, чтобы она не досталась Шульгену, отнес ее в сторону. «Но печалься! Вот поем сейчас малость и сам отнесу тебя к матери и отцу», — сказал он ей и подсел к своим родителям.

Когда все принялись за еду, птица взмахнула здоровым крылом — и выпали из него три пера; когда она смочила их кровью из сломанного крыла, явились три лебедя и унесли ее с собой. Старики Янбирде и Янбика очень сожалели о том, что не смогли узнать, где находится Живой родник.

Старик тут же велел Шульгену и Уралу отправляться вслед за ними, отыскать Живой родник. Если на пути встретится Смерть, отрубить ей голову и возвратиться домой. Посадив двух сыновей на двух львов, проводил он их в путь.

Глава 2

О том, как прославился Урал, разгромив и уничтожив царя Катилу, и даровал людям свободу.

Урал со старшим братом вдвоем,
Считая дни, месяцы, годы,
Где через черный бурелом,
Где через горы, а где бродом —
Двигались вместе одним путем;
Ехали так, и в один из дней
Там, где проворный бежит ручей,
Повстречали они старика
С белой бородой до земли.
Посох большой тот держал в руках.
Братья к старику подошли,
Почтительно поздоровались с ним.
Приветствием ответил он им.
Куда и откуда идут они,
Старец расспрашивать стал у них,
Обо всем — куда, почему —
Рассказали братья ему.
Впал в задумчивость тот. Потом
По бороде провел рукой
И, указав на распустье дорог,
Разговор повел такой:
«Перед вами лежат два пути:
Налево пойдете — вас впереди
Смех, веселье беспечное ждут.
Там, забот и вражды не зная,
В полном согласии живут:
Волки и овцы на вольных лугах,
Лисицы и куры в густых лесах,
Птицу Самрау всем сердцем чтут,
Не едят мясо, кровь не пьют —
Смерти дорогу не дают.
Вот такая там есть страна.
На добро отвечать добром —
Обычай в краю благодатном том.
А направо пойдешь — вдоль дороги всей
Только слезы и плач людей.
Жестокости и скорби полна
Та горемычная сторона.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Царь коварный Катил в ней правит,
Кровь живую пьет у людей.
Всюду увидишь там груды костей —
Вот что ждет, коль пойдешь направо».
И рассказ такой услышав,
Обычаи здешние разузнав,
Двое братьев — Шульген и Урал —
Жребий бросили меж собой,
Каждый участи лучшей желал.
И жребий братьям выпал такой:
Младшему — налево идти,
Старшему — направо идти.
Каждый сам сделал выбор свой.
Но Шульген не согласен был: —
Про старшинство ты мое забыл!
Знай же: налево я пойду, —
Стал настаивать он на своем.
И правым Урал пошел путем.
Шульген отправился левым путем.
Правой Урал поехал дорогой.
Была она и трудной, и долгой;
Много рек он переходил.
Много гор он перевалил,
Покуда не добрался до склона
Горы, поднявшейся до небосвода.
Там старуху он повстречал:
Рубцами и шрамами испещрена,
Кровью запекшейся обагрена
У старухи была спина;
Кожа висела на ней клоками,
Словно изодранная волками;
Чернели ее обнаженные ноги.
Как у кур, ворошащих мусор;
Точно трава, что стужей убита,
Желтизной ее щеки покрыты;
Как у коры, что лишилась сока,
Мясо на бедрах ее иссохло.
Точно наросты на дереве старом,
Выступали буграми суставы.
Рядом со старухой Урал
Красивую девушку увидал.
На солнце сильно она загорела,
Волны волос укрывали тело;
Словно выточена из ствола
Ясеня, была стройна.
Страха иль стесненья полна,
Пряталась за старухой она.
Как у насытившейся дичью птицы,
Грудь ее выпуклою была.
Глаза были дивно хороши,
Как озеро, блестящее сквозь камыши.
Вся она нежна и чиста,
Тонок, как у пчелы, ее стан.
К ним-то и подошел Урал.
«Вы не пугайтесь меня, — сказал, —
Издалека я сюда пришел.
Был мой путь и крут, и тяжел;
Когда покидал я родительский дом,
Был еще я совсем юнцом;

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Знайте: людей я не обижаю,
Их жилища не разрушаю.
Смерть-злодейку хочу отыскать,
Хочу я смерти ее предать.
Подойдите поближе ко мне.
Расскажите о вашей стране.
Тогда приблизились мать и дичь,
Не в силах волнении превозмочь».
К небу старуха глаза возвела
И такой разговор повела:
«Вижу, ждешь ты издалека
С думой, глубокою, как река.
Ах, егет, если б знал ты о том,
Куда дорога тебя привела,
Какие черные дела
Наш царь творит во дворце своем!
Тех, кто про болезни не знал.
Кто смерти собственной и не ждал —
Женщин, девушек и мужчин
(Стар иль млад, отец или сын),—
Велит вязать по рукам и ногам.
Лучших из них для дворца отбирает;
Раз в году народ собирает
К царским хоромам на майдан.
Ну, а дочка Катилы-царя
Выбирает себе жениха.
Девушек царь выбирает сам.
Тех, что остаются лотом,
Приближенные падишаха
В собственный забирают дом.
Остальным — место в мире ином;
Девушки смерть находят на дне
Озера. А егеты — в огне.
В честь себя и отца своего,
В честь приближенных своих,
В честь дня рождения своего,
В честь Тэнгри раз в году
В жертву людей приносит Катил.
Десятерых я имела детей —
Мать несчастная среди матерей.
Сожгли из них у меня четверых,
Утопили в воде пятерых.
Мой старик того не стерпел,
Горе такое снести не сумел,
И, не ведая, что творят.
Не боясь, что будет убит,
В ярости позабыв о страхе.
Бросился на людей падишаха.
И несчастного в тот же день
Прямо перед глазами моими
Закопали живьем в могилу.
Осталась при мне лишь младшая дочь.
Рады бы и ее уволочь,
Оторвать от матери чадо,
Поглумиться были бы рады.
Только в лес и сбежала с ней.
И таких, как я, матерей,
Беглецов много бродят здесь —
Горемычных скрывает лес.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Добр ты, по всему, сынок,
Знаешь цену тяжких дорог,
Потому дам тебе совет;
Возвращайся скорее домой,
Уходи из земли нашей злой!»
«Через реки и через горы
Шел сюда я не дни, а годы.
Много разных дорог прошел;
Если Смерть не найду я тут,
Ту, что черной бедой зовут,
Если ей голову не размозжу,
Мир от Смерти не освобожу,
Мне Уралом не зваться вовек!» —
И, такие слова сказав,
Попрощался с ними Урал,
На льва своего вскочил, и стремглав
Во дворец, где жил царь Катил,
Лев его поскакал что есть сил.
Так проехал Урал немало,
И такое пред ним предстало:
Словно от матери одной,
Все обличил одного —
Все нагие, унылой толпой
Друг за другом люди стоят,
Каждый ни мертвый, ни живой,
Выстроились за рядом ряд.
Мужчины от женщин отделены.
Кто противится хоть слегка.
Тех прислужники тычут в бока.
Не жалеют своих кнутов —
Бьют нарушивших стройность рядов.
К ним-то и подъехал Урал.
Только взглядом успел обвести
Площадь, как в шагах тридцати
Он другую толпу увидал.
Там, проливая горючие слезы,
Под криками, полными угрозы,
Онемевшие от испуга,
Жестами объясняясь друг с другом,
Стояли, к сердцу прижав детей,
Толпы отцов и матерей.
К ним скорее Урал поспешил.
«Что происходит тут?» — спросил,
Рассказал о цели своей.
Тому, что Урал им говорил,
С жадностью внимала толпа.
Выступил старик и к Уралу
Обратился с такими словами:
«Все обличье твое, егет,
Разговор твой и гордый вид
И что едешь на льве верхом,
Яснее ясного говорит
О том, что ты из чужих краев.
В нашем царстве свой у нас царь.
Средь прислужников — свой главарь.
Люди самых разных родов
В этой толпе, нет которой конца.
Каждый год в день рожденья царя,
В честь его матери и отца,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

В честь колодца, чьею водой
Ребенком омывали царя,
Он приносит в жертву людей.
Утвердился обычай сей —
У владыки есть Черный Ворон —
Он со знамени смотрит гордо.
Ворону набивают утробу
Каждый год в этот день особый.
Видишь хищных птиц? Сюда
Прилетели они неспроста.
На холме расселись они —
Знают: будет для них еда.
Когда в колодец бросят, и там
Девушки, захлебнувшись, умрут,
Извлекут их тела, по холмам
Воронам на съеденье швырнут.
Вот эти связанные егеты
Приведены изо всех родов.
Дочь царя ежегодно тут
Выбирает из них одного;
А затем царь Катил рабов
Отбирает для дворца своего.
А затем уж дворцовая знать
Жертву для Тэнгри начнет выбирать...»
Не успел старик договорить,
Гостю горе свое излить,
Как на троне золотой
Появилась царская дочка —
Четыре раба под каждым углом
Держали трон ее важно и прочно.
Ну, а следом за этим тронем
Шел один из приближенных.
Вот дошли до толпы, говорят:
«Стойте прямо, держите ряд!
Или не видите — царская дочь?!
Что ваши лица темны как ночь?» —
Крикнул один из них, говорят.
Тех, кто строй людской нарушал,
Плетью хлестали, говорят.
Вот царевна сошла на майдан,
Медленно прошла по рядам,
Где среди прочих мужчин и Урал
В ожиданье немом стоял.
От ряда к ряду шла дочь царя,
Но искала избранника зря.
Наконец она подошла
Туда, где безмолвно Урал стоял,
Глаза свои на него подняла
И взгляд царевны оттаивать стал.
Яблоко в руки дала ему,
А прислужнику одному
Без промедления приказала
Во дворец проводить Урала.
Вновь неспешно села на трон —
Тут же рабами был поднят он.
Ко дворцу его понесли,
Высоко оторвав от земли.
— Дочь царя избрала любовь,
Будет жених у царевны вновь! —

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Средь прислужников шум и гам,
Гул и ропот по всем рядам.
Оттеснили собравшихся прочь.
Кто-то сказал: «Ко дворцу иди,
Ждет тебя там царская дочь,
Счастье ждет тебя впереди».
Потом какой-то молодец
Взялся его проводить во дворец.
«Ты стал нашим зятем!» — льстиво кричал
И хлопал дружески по плечам.
Но Урал с ним не согласился,
К царской дочери не явился.
«Я с обычаями ее знаком.
Посмотрю, что будет потом,
Ну а там, может быть, пойду,
Если написано на роду», —
Слуге спокойно ответил Урал.
Сброд дворцовый в ответ зароптал.
К дочери царской помчались рабы,
Расшибая в усердии лбы.
Царь тоже себя не заставил ждать:
Его окружала ближайшая знать;
А четыре царских батыра
Путь пробивали властителю мира.
На дивном троне, несомом рабами,
Ехал сам владыка Катил.
Как взбешенный верблюд, он был,
Как кровожадный хищник, он был.
Кровью глаза его замутились,
Веки тяжкие отвалились,
В гневе злобен и неукротим,
Страх внушал он всем видом своим.
Хребет, как у жирного кабана,
Ноги толстые, как у слона,
С отвратительным животом,
Подобным саба-бурдюку с кумысом.
И в испуге пред ним народ
До земли свою голову гнет.
Обошел всех владыка гневный,
Отбирая в рабы молодых,
Одних — для работы повседневной,
Для жертвоприношения — других.
Обойдя весь передний ряд,
К другим он перешел, говорят.
Стал тут девушек выбирать,
К красавице одной подошел, говорят.
Прислужника к себе подозвал,
— Зубы осмотри, — произнес.
Проливая потоки слез,
Прикрывая лицо рукой,
Замерла девушка перед бедой.
Руку ее отвел Катил,
Грудь девическую схватил,
Стан и бедра ее ощупал.
По талии похлопал грубо
И сказал: «Для дворца сойдет.
Пусть других моя челядь берег.
Сколько нужно — столько берите,
Никто на вас не будет в обиде».

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Приближенным своим повелел:
«Других в честь матери моей,
В честь колодца, водою чьей
Меня омывали, принесите в жертву!»
Так промолвил он, зубы ощерив.
А тем временем дочь царя
Появилась и на Урала
Раздраженно и гневно напала:
«Выбрала я тебя, молодец, —
Почему ж не пришел во дворец?
Яблоком дала тебе знать,
Что ты должен мне мужем стать.
Слову ты моему не внял.
Перед слугами и рабами
Опозорил, в краску вогнал».
Дочери слова услышав,
Царь Катил с трона сошел:
«Из какого ты рода, егет,
Что опозорил дочь на весь свет?»
И поспешным шагом к нему
Подошел, роняя слюну.
Подойдя, продолжал, браня:
«Эй, егет, или ты про меня,
Про то, что зовусь Катилом я,
Про то, что в этой стране моей
Я не то, чтобы только людей,
Но и птиц, насекомых, зверей,
Даже тех, кто лежит в земле, —
Всех держу под пятой своей,
Разве не ведаешь ты, злодей?
Если выбрала дочь тебя,
Что стоишь, свою жизнь губя?»
«Я еще такого царя
И обычаев таких,
Чтоб резали так людей живых,
И не видел, и не слышал,
Хоть и много земель повидал.
Я Смерть-злодейку по свету ищу,
За всех смертных ей отомщу;
Ваших порядков я не боюсь,
Смерти коварной не страшусь;
Если Смерть нагрянет сюда,
Если с нею придет беда,
Если захочет напуститься
Не только на человека — на птицу,
Я не буду стоять в стороне —
Убить ее предназначено мне!
Вот посмотрю на обычай твой —
Смысл в нем добрый или же злой,
Мыслями своими тогда
Поделюсь откровенно с тобой».
Дерзость такую услышав,
И узнав, что Урал тут — чужой,
Приближенные всей толпой,
Злым обласканные Катилом,
Видя, что тот для дочери милой
Чужака хочет мужем взять,
Черной завистью стали вскипать.
Гнева царь Катил не сдержал,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Так своей дочери сказал:
«Не томись-ка тут понапрасну,
Выбирая такого глупца.
Не поводи на такого и глазом,
Лучше иди в покои дворца», —
Так поучал свою дочку он.
«Тех, кто на жертву обречен,
Не заставляйте ждать, — приказал. —
Девушек утолите в воде,
Егетов сожгите в огне,
Парня этого, заковав,
Приведите потом ко мне!»
Так четверем батырам велел,
На трон взошел он, смиряя гнев.
Кинулись было царские слуги
Исполнять высочайший указ —
Девушек в воду бросить тотчас,
А мужчин в огонь покидать,
Лишь только бросились слуги на них
И стали люди рыдать и стенать,
Выступил вперед Урал
И такие слова сказал:
«Из дома я вышел, чтобы убить
Смерть, не видимую для глаз.
Чтоб от нее людей защитить.
Чтобы от кровопийцы-батши,
От людоедов-дивов сластя,
Чтобы Живой источник найти.
Мертвых его водой оживить —
Вот для этого я в пути!
Когда я вижу, что злая Смерть
На сородичей руку заносит, —
Всякий, кто имя батыра носит,
Может ли молча на это смотреть?
Злодеям батыр уступит ли путь,
Их утрашится ль когда-нибудь?
Эй, отойдите прочь, рабы!
Царь, сойди с золотой арбы!
Руки развяжите парням,
Девушек оставьте их матерям!»
Царь, услышав такие слова,
Кровью налился, багровым стал,
На батыров своих взглянул:
«Если сам себе смерти он ищет,
Точно хлеба — бродяга-нищий,
Смерти лицо покажите ему,
Пусть запомнит мою страну!» —
Царь свирепо отдал приказ.
Четыре батыра явились тотчас
Шерстью медвежьей покрыты они,
Ростом батыры дивам сродни.
Сказали: «Будешь бороться иль биться?
Выбирай, чтоб потом не казниться!»
«Подумайте-ка сначала о том,
Как бы вам не погибнуть самим!
Зверя посильнее себя
Отыщите-ка вы, друзья!» —
Так с издевкой Урал произнес.
Хохотали батыры до слез:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

«Значит, батыра тебя сильней
Не было и нет на земле?»
Вместе со всеми и царь Катил
Злобным хохотом исходил.
Нужных слов он не находил,
В черной ярости проговорил:
«Крови жаждет душа его.
Приведите быка моего,
Опору и мощь моего дворца,
Пусть он примерно накажет глупца!
Вы же, батыры, не троньте его».
Услышав слова царя своего,
От страха весь народ задрожал —
Жалость у всех егет вызывал.
— Ох, пропадет, пропадет егет! —
Говорили; плача навзрыд.
А тут и дочь Катила стоит:
«О, отец, во имя любви
Без причины его не губи!
Не ты ль позволил по воле своей
Жениха выбирать себе?
Этого парня я избрала,
Нареченным его назвала.
Из-за тебя не смогла я с ним
Поговорить как с мужем своим.
Умоляю: во имя любви
Жениха моего не губи!» —
Так молила она отца.
На молящие те глаза
За слезой набегала слеза.
Но отец не стал ее слушать,
Не смягчил свою черную душу.
Исполинский явился бык,
Скреб он землю, копытами бил,
Слюну свою ядовитую лил.
Подошел к Уралу тотчас,
Не сводя с него страшных глаз,
И, слегка поведя головой.
Рык из глотки исторг громовой:
«На землю не стану тебя кидать.
Буду сушить тебя на рогах,
Пока ты не превратиться в прах
И не станешь по ветру пылью летать!»
«И я тоже тебя губить
Вовсе не собираюсь, бычок.
Чтоб на землю тебя свалить,
Тратить силы не стану, бычок.
Знай, нет существа на земле.
Кто бы был человека сильней.
Не только ты — все потомки твои
Станут отныне рабами людей».
Слыша обидные те слова,
Бык со злостью вострепнулся
И стремглав на Урала метнулся.
Чтобы вскинуть его на рога.
И сейчас же его Урал
Схватил за рога и крепко сжал;
Как тут бык не пыхтел, не старался,
Как ни бился, ни вырывался,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Освободиться сил не нашел —
По колени в землю ушел.
От жестоких потуг у быка
Из пасти черная кровь потекла.
Верхний зуб его отлетел,
Обессилел бык, ослабел.
Изнемог — устоять не сумел.
Увидав такое, Катил
И все, кто рядом с Катилом был,
В изумленье пришли, говорят,
Каждый замер, страхом объят.
Урал от слов не отрекся своих,
Быка свирепого оставил в живых:
Вывернув ему рога.
Увязшего вытащил из земли.
У быка все четыре копыта
Раздвоились тогда, говорят,
Были песком и грязью забиты.
Кровью затекли, говорят.
Урал:

«Рога, которые я согнул,
Кривыми останутся навсегда.
Пасть, из которой вылетел зуб,
С прорехой останется навсегда.
Надвое треснувшие копыта
Не зарастут — пребудут такими,
И у детей твоих копыта
Навеки останутся двойными».
— Нападайте со всех сторон! —
Катил батырам знак подает.
Те метнулись тотчас вперед:
«Если от рук наших смерть найдешь,
В какую яму твой труп забросить?
Если случится, что не умрешь,
В какую страну твое тело забросить?»
Так одни из четверых
Уралу с издевкою сказал.
Но тот не испугался их.
На великанов этих Урал
Ринулся, разгораясь огнем:
«Подходите все вчетвером!
Силу батыра, что ищет Смерти,
На себе, батыры, проверьте.
Если умру я в ваших руках,
Тела бросьте льву моему;
Коль хватит сил меня одолеть.
Закиньте к живому роднику.
Если ж в руки мои угодите,
Мотыльками в небо взлетите.
Закинуть вас куда и кому?
Когда дивов я искрошу,
Воду живую захвачу
И по пути поверну сюда.
Где, скажите, я отыщу
В муку превращенные ваши тела,
Душонки пустые, что мать вам дала?»
Слова Урала вызвали смех.
«Коль тебя хватит на нас на всех,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Если сможешь нас победить,
На спину каждого уложить.
ЕСЛИ смерть от тебя найдем,
Можешь нас бросить перед царем», —
Так с насмешкой они отвечали
И затем на Урала напали,
Насмерть схватились с ним, говорят.
Одного тут Урал схватил
И в царя швырнул что есть сил;
Остальных же троих заодно
Перед всеми растер в толокно.
Затряслась земля от того —
И царь, и вся прислуга его,
Как и четыре великана,
Пылью рассеялись над майданом.
Матери, исходившие плачем,
Отцы, что горем были охвачены,
Дети, связанные по рукам,
Все это видели, говорят.
Шум повсюду поднялся и гам.
К Уралу сбежались все, говорят.
Ко дворцу подъехал Урал,
Весь народ у дворца собрал.
Тем, кто спрятался или сбежал,
Возвращаться домой приказал.
Выбрав старшего среди остальных,
Лишь собрался покинуть их,
Как в движенье пришел круг людской,
Стали рядить все и судить.
Выступил из толпы старик,
Стал такие слова говорить;
«Егетом истинным ты оказался,
Ничьих угроз не испугался.
Сердце великое у тебя,
Сила могучая у тебя;
Нас жалеючи и любя,
Ты явился сюда, батыр!
Та, что вызвала гнев царя,
Та, что столкнула с ним тебя,
И тем самым спасла всех нас
На годы долгие — не на час —
Наша царская дочь была.
Нам счастье и волю добыла она.
Вспыхнув нежным к тебе огнем.
На спор пошла со своим отцом;
В жены ее ты возьми, егет,
Оставайся с нами, егет!»
Услыхав такие слова,
Видя, что едина молва,
Решил жениться на ней Урал.
В жены царскую дочь он взял,
Погостить тут решил, говорят.

Глава 3

О том, как Урал спас Заркума от смерти, как они вдвоем явились к отцу Заркума, царю Кажкахе; как Урал проник в потайной дворец; о том, как женился он на Гулистан.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

По прошествии нескольких дней
После пышной свадьбы своей
Отправился дальше Урал, говорят,
Много вод одолел, говорят;
Проезжая дорогой крутой,
У подножья скалы одной
Он со льва сойти поспешил.
Отдохнуть на траве решил.
Вдруг услышал шипенье змеи.
Уши наостривши свои,
Тут же на ноги он вскочил
И, осматриваясь, застыл:
Неподалеку под горой
Увидел в ложбинке небольшой
Змея величины такой,
Что заслонил бы и льва собой,
Сто шагов будет змей длиной.
Этот огромного роста змей
Оленя рогатого схватил,
Гибким телом его обвил,
Так, вступив в жестокую схватку,
Боролись твари те без оглядки.
Вот вконец олень изнемог,
Устоять против змея не мог,
Фыркнул и повалился с ног;
И едва он лишился сил,
В пасть змеиную угодил.
Подбегает к нему Урал.
Змей храпит и валит хвостом
Кусты, деревья на месте том.
Увернулся Урал, изловчился.
За хвост чудовища ухватился
И затем повелел ему властно
Выпустить оленя из пасти.
Змей ни слова в ответ не сказал —
Только жертву свою жевал.
Всю ее захвативши в пасть,
Проглотить старался не раз.
Но рогами олень застрял,
Змею поперек горла встал.
Змей рога те сломать пытался,
Но хрипел лишь и задыхался,
Оземь оленя бил, но никак
Не в силах был разломать рога.
Постепенно, утратив пыл,
Змей на землю упал без сил:
Продавил бы — внутри застревает,
Выбросил бы — пасть не пускает.
И когда совсем изнемог,
Понял, что не сумеет вовек
От рогов избавиться тех.
Головою покорно склонился
И к Уралу оборотился:
«Эй, егет, я тебе пригожусь,
Лишь не дай чтоб издох я тут.
Сыном я Кахкахе прихожусь
И Заркумом меня зовут.
Если сможешь мне, я смогу
Отплатить — не останусь в долгу.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Если скажешь: будь спутником мне, —
Я с тобой пойду по стране.
Драгоценных захочешь камней —
Во дворец со мною пойдешь.
Сколько хочешь добра возьмешь.
Будешь желанным из гостей.
Первым среди дворцовых людей», —
Так сказал он Уралу с мольбой.
И ответ получил такой:
«Беднягу, что зла не чинил никогда,
Не причинившему боль никому.
Не проливавшего кровь никогда.
Ты Смерти предал — врагу моему.
Так раскрой свою тайну без лжи,
По порядку все расскажи.
Мне подарки твои не нужны.
Из страны я ушел своей,
Чтоб избавить от Смерти людей,
Тех, что оленю, может, сродни
Тем, что беззащитны они».
Заркум:

«Ай, егет мой, не обессудь,
Я открою, в чем дела суть:
Вдали отсюда, в той стороне,
В необъятной птичьей стране,
Есть царь по имени Самрау.
От Солнца дочь его рождена —
Вся красы небесной полна.
Сватался я, но за меня
Ее не отдали — мол, ты же змея!
Тогда обратился я к отцу,
Дни и ночи его молил,
„Отец, сосватай ее, — говорил, —
А не отдаст — объяви войну,
Спали дотла всю птичью страну“.
„Иди на охоту, — отец сказал,
Змеиную кожу надеть приказал,
Двенадцатирогого оленя
Схвати и съешь сегодня, — сказал.—
Если сумеешь его проглотить,
В разных обликах будешь жить;
Будешь красавцем среди людей,
Первым егетом среди парней,
В царство птичье потом пойдешь,
Одну из двух дочерей Самрау
В жены непременно возьмешь“.
Сегодня я на охоте был,
Едва оленя не проглотил,
Но видишь — на большее нету сил.
Застряли в пасти его рога —
Не проглочу я их никогда,
Погубил я себя навсегда.
Пожален ты меня, егет,
Мне в несчастье помоги,
Рога оленьи обломи;
Вместе к отцу моему пойдём,
Что захочешь, то и возьмем.
Не проси богатств у него.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Красавицу предлагать начнет —
Пусть будет сердце твое, как лед.
И кораллы, и жемчуга
Перед тобою рассыплет отец —
И ими не обольщай ты себя.
И так промолвит он наконец;
„Таких, чтоб жемчуга не любили,
Пред золотом головы не клонили,
Красавиц нежных не признавали,
На этом свете сыщешь едва ли.
Я тоже не видел, не слышал,
А стал искать бы — не отыскал.
Нечего больше тебе мне сказать.
Ответь лишь: что за услугу твою
От меня ты хотел бы принять?“
С тем обратится к тебе отец.
Так запомни: пусть он с себя
Прежде драконову кожу смахнет,
Птичий вынув затем язык,
Переложит его в твой рот.
Отец мой станет тебя пугать,
На черный камень станет плевать
Камень расплавится от плевка
И растечется, как река.
Если же плюнет он на горы,
Те лишатся земной опоры,
Озером растекутся вокруг,
Водой затопят окрестный луг,
Не будет озеру края, конца —
Все от плевка моего отца.
Но и того не пугайся ты,
Только язык его требуй ты.
Когда ж поцелуешь его язык,
Отец смягчится мой в тот же миг
И к тебе обратится опять:
Что, мол, захочешь, то можешь забрать.
Ты ответишь: „В стране царя
На добро отвечают добром.
Разумей же, прошу о чем.
В том, что любишь, мне не откажешь,
Вещь любимую мне подаришь“.
Коль с набалдашником жемчужным
Жезл отдаст он, его возьмешь.
Станет тебе он верным оружием:
Если в воду вдруг попадешь, —
Не утонешь, не пропадешь.
А в огонь угодишь — не сгоришь.
Невидимкой захочешь стать, —
Никто не сможет тебя разглядеть;
Если ж искать тебя станет враг,
Не отыщет уже никак».
Тайны дивов узнав, Урал
Вмиг оленьи рога обломал.
Даже глазом моргнуть не успел —
Змей егетом красивым стал.
Резкий свист тут раздался в тиши
И егетов он оглушил.
Изменился в лице Заркум,
Будто вдруг помутился ум.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

— Что случилось? — спросил Урал.
Тот в ответ ничего не сказал.
Думал в страхе думу свою:
«Отец проведал тайну мою,
Все узнал, что я здесь говорил,
Что дворцовые тайны открыл.
Если егет останется жив,
Отпущу его, не проглотив,
Гневом отцовское сердце вскипит,
Мне измену едва ли простит.
А проглотить его нет уже сил.
Я бы просто его задушил,
Да хвост петлей свернуть не могу.
Если к отцу его приведу.
Если к ногам его упаду,
Может быть, отведу беду...» —
Так про себя размышлял Заркум.
Но Уралу коварных дум
Не раскрыл: сказал, мол, меня
Кличет отец, за задержку браня.
«Егет, со мною теперь пойдем,
Будешь ты моим кунаком,
Увидишь отца моего,
Жезл выпросишь у него», —
Так к Уралу он обратился.
И с Заркумом тот согласился.
«На царство змеиное посмотрю,
Двери в тайны его отворю.
Если на добро ответит злом,
Встретят враждебно в краю чужом —
Как поступить, решать буду сам я.
Егет не бросается словами,
Всегда он правым путем идет —
Пусть хоть к гибели тот приведет.
Удаль свою до конца испытаю
В том краю, где враги обитают,
Коль уж задумал Смерть убить,
Изрубить ее, испепелить», —
Так Урал сказал сам себе
И доверил свой путь судьбе.
«Буду жив — ворочусь назад,
Встретиться вновь с тобой буду рад.
А не вернусь — не очень-то жди,
На чужбине жизнь не веди,
А по пройденному пути
Ты в сторонку свою иди.
От меня передай поклон», —
К верному льву обратился он,
В лоб его поцеловал.
И с Заркумом ушел Урал.
Вот идут они, говорят,
Много верст прошли, говорят.
Вдруг глыбой черною на пути
Туча вздыбилась впереди.
Как зарница, из многих огней
Что-то разгорается в ней.
«Что там такое? — спросил Урал, —
Гор подобных я не видал».
«Не гора это, а змей,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Верный страж дворцовых дверей», —
Так Заркум отвечал ему.
К чудищу подступились тому,
И увидел Урал тогда
У огромной железной ограды
Девятиглавого страшного гада.
Клубком свернувшись, тот змей лежал,
Покои царские оберегал.
Первым Заркум подошел к нему,
К девятиглавому горбуну.
— Ключ принеси! — приказал ему.
Свистнул тут пронзительно змей —
Казалось, рухнула груда камней.
Это четыре шестиглавых гада
Волочили ключ громадный.
И вот этот-то самый ключ
Грохотал, будто глыба с круч.
Тем ключом открыли дворец.
— Проходи сюда, молодец,
Я же отца пока извету
И сюда его приведу, —
С тем Урала он запер там
И убрался куда-то сам.
Очень скоро возле дворца
И большие, и мелюзга —
Змеев закипела толпа.
Урал прислушиваться к ним стал.
Одиннадцатиглавый змей сказал:
«Мой черед человека сожрать,
Двенадцатиголовым стать,
Ведь самым близким визирем
Падишаха я должен стать».
Девятиглавый же змей изрек:
«Нет уж! Человек этот смог
Вырвать тайну у сына царя —
Клятву дал ему царский сынок
Тайны здешние все открыть.
Должен царь его проглотить,
Иначе я его проглочу —
Всем ведь ясно: лишь мне по плечу
В голове все тайны хранить.
Но не станет царь его есть:
Раз тот спас его сына и честь,
Если царь даже съест его.
Не вырастет голова у него».
Гады исчезли после тех слов.
Змей, имеющий девять голов,
Урал-батыра сожрать был готов.
Подполз к воротам он, говорят.
Принял девичий вид, говорят,
И Урал-батыра тогда
Приворожить он решил.
Но объятия лишь раскрыл,
Как его руки Урал схватил.
Стиснул так, что из пальцев кровь
Так и брызнула, говорят.
Не вынеса боли, огнем
Спалить Урала хотел змей-юха.
Но тот за глотку его схватил,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

В гневе и ярости проговорил:
«Ведь владеешь тайнами ты,
Головы отращиваешь себе;
Все царские тайны Кахкахи,
Знаю, заключены в тебе».
И, услышав такие слова,
Удивился безмерно змей:
«Я вижу, ты провидец и бог, —
Догадаться о том я не мог.
Думал я, что ты человек,
Потому и шепнул царю:
„Сын твой одному из людей,
Кто для нас лютей враг и злодей.
Все секреты твои раскрыл“.
С тем на землю упал он вмиг
И к ногам Урала приник,
Перегнулся всем телом, однако,
Что-то почуяв, уже без страха
Крикнул громко, как только мог:
„Нет, нет, ты — не бог!
От тебя человеком пахнуло,
Чутье меня не обмануло!
Сыну царя ты язык развязал,
Все секреты дворца разузнал
И сюда явился потом“, —
Взвился вверх он одним прыжком.
Пасть разинув, шипел, говорят,
В огне спалить угрожал, говорят.
Не смутило и это Урала,
Ударил он змея по голове,
И у змея из той головы
Связка ключей со звоном упала.
Из восьми же голов других
Вышло восемь батыров живых.
„Все людьми мы когда-то были,
Богатырями смелыми слыли.
Змей проклятый нас проглотил“
Голову тем себе прирастил;
Сердце змея ты распори,
Обнаружишь там ключ золотой.
Дворец секретов им отвори.
Все, что хочешь, то и бери», —
Сказали спасенные богатыри.
Сердце змея Урал раскроил,
Дворец секретов ключом отворил.
Красавицу за дверцей нашел:
Вся украшена жемчугами.
Парчой укутана и шелками.
Но только с пожелтевшим лицом...
Там же, внутри, увидел он трон,
Жезл жемчужный увидел он.
«Жезл возьми с собою в дорогу», —
Батыры ему посоветовали хором.
В это время двери дворца
Настежь белый змей распахнул.
Гнев его так и этак гнул:
«Кто сюда проникнуть посмел.
Кто мой посох забрать посмел,
Не доступный ни для кого?»

УРАЛ-БАТЫР.РФ

На Урала кинулся змей,
Чтоб проглотить его поскорей;
Но батыр его вдвое согнул
И на землю потом швырнул;
И такие сказал слова:
«Я, батыр, на своем пути.
Смерть-убийцу хочу найти.
А тех, кто замыслил ее спасти
Могу с лица земли я смести.
Если имя мое Урал,
Если от человека мой род.
Знай, что в этом мире я тот,
Кто рожден защищать людей.
Счастья желаю земле я всей;
Тот же, кто людям враг и злодей.
Примет смерть от руки моей.
Если царь ты, отдай приказ:
Пусть все змеи сойдутся тотчас;
Те, в которых люди сидят.
Пусть свои головы склонят —
Разрублю я их все подряд,
На волю пленников отпущу;
Всей драконам злобным и змеям,
Кто несчастье и горе сеет,
За коварство их отомщу!»
И такие слова услышав,
Подчинился змей, говорят.
«Раз уж жезл от меня ушел,
Видно, сила твоя», — сказал.
Змеев всех созвать приказал.
Собрались тут все, говорят.
Головы, выросшие за счет людей,
Снес Урал саблей своей.
Из голов тех люди сошли,
Распахнули двери дворцов,
Всех, кто в подземелье томился,
Освободили от оков.
«А теперь ты сына найди
И сюда его приведи», —
Так Урал царю приказал.
На свободу вышел народ.
И вместе со всеми девушка та
Чистый увидела небосвод.
Все к спасителю заспешили,
Тесным кольцом его окружили:
«Помощь, что Тенгри не посылал,
Сын земной, ты нам оказал.
От злодеев и землю, и нас
Богатырской рукою спас.
Как тебя нам благодарить,
Чем, скажи, нам тебя одарять?
Назвали б — Тэнгри, да ты человек,
Как восславить тебя навек?»
«Слава и почести миге не нужны;
Лишь тот зовется батыром страны,
Чьи помыслы людям посвящены.
Ваша радость — она и моя,
Вы ж воспримите мою, как свою.
Всех людей мы здесь соберем

УРАЛ-БАТЫР.РФ

И устроим великий пир,
Одного из вас на пиру
Старейшиной рода изберем.
Был тут мужчина, некий Алгыр,
Что против змеев восставал,
С ними много лет воевал.
Его-то главным и сделал Урал.
У Алгыра был верный друг,
У друга дочь Гулистан была,
В рабынях у Каххахи жила.
Все, кто у дворца собрались,
В одном решении сошлись:
Девушку вот эту самую
За спасителя выдать замуж.
Принял Урал предложенье людей.
Только со свадьбою своей
Решил немного повременить.
Задумал сперва Азраку сразить.
Прежде чем пир отпраздновать свой.
Самый почтенный к толпе людской
Обратился с речью такой:
„Во все времена для страны родной
Был свойствен великих батыров приход.
Поколенья пройдут чередой,
Новое поколение придет.
И, хоть слава твоя пребудет,
Все же сила из рук отойдет.
Вечной останется лишь страна.
Вновь ее сила возрастет,
И отточится снова стрела.
От батыра батыр родится,
Лук возьмет по примеру отца
И с коварным врагом станет биться.
И этому не будет конца.
Поколенья таких сыновей
Всесильным будет в стране своей.
В девушке этой — отцовская кровь,
От матери — молоко и любовь.
Будет тебя достойна она —
Красавица, верная жена...“
Слова такие старик сказал.
И внял его уговорам Урал»
На Гулистан жениться решил,
Отовсюду народ собрал
И пир большой провести поспешил.

Глава 4

О том, как Шульген попался на хитрость царя дивов Азраки; как отправился в страну птиц Самрау; как Хумай заперла его в подземелье дворца.

Шульген, что направо зашагал,
Еще одного старика повстречал;
О том, что ищет в этих краях,
О том, что еще одного старика
Встретил до этого в здешних местах,—
Обо всем ему рассказал.
И в ответ обо всем откровенно,
Ничего не скрывая, старик

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Тайну свою поведал Шульгену:
«Тот, кто встретился прежде вам,
Младшим братом приходится мне.
Мы родились с ним в одной стране.
Дряхл в немощен он на вид,
Весь морщинами покрыт,
Изможден — только кожа да кости,
Кое-как свое тело носит.
А теперь на меня взгляни —
Не егету ли я сродни?
Коль младшим братом его назову,
Скажешь: бредет старик наяву.
А секрет тут таков, егет;
Стар ли, млад ли, — разницы нет —
Все сородичи в нашем краю
Чтят родословную свою,
Все — как от матери одной.
Были верны мы клятве такой:
Вовек не грабить свою страну,
Кровь человечью не проливать,
Тугую не заводить мошну,
Не прятать, в землю не зарывать
Богатства страны своей родной,
Поровну все и на всех делить,
Если что-то сумел добыть,
Счастье — лишь правом своим не считать,
Обездоленных не обижать;
Не считать прокаженной ту мать,
Что девочку на свет родила,
В воду детей ее не бросать —
Такая клятва у нас была.
Брат мой клятву ту не берег:
Всех, кого пересилить мог,
Разорял или избивал,
Грабил нещадно и убивал.
Обычаи стал создавать он сам,
Смерть причислил к своим друзьям.
Чтоб легче рвать из общей казны.
Потому-то его из страны,
Где мы были на свет рождены.
Люди, поднявшись заодно,
На чужбину изгнали давно.
И теперь он, как зверь в ночи.
Жизнь скитальческую влачит,
В мире не нужный никому;
Одряхленье и смерть потому
Раньше других подкрались к нему»
Такое старик рассказал ему.
Все Шульген постарался понять,
Старика расспрашивать стал,
Как землю заветную ту отыскать
Глазами своими ее повидать.
Годы шел он, а может, и век,
Множество гор одолел и рек,
Там, где мрак его настигал,
На ночь делал Шульген привал.
Однажды, свое обнажая дно,
Схлынуло озеро. Все оно
Камышами окружено.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Лилия там огромна была —
Как дерево тиковое цвела.
Под водою — песчаное дно.
Утки, лебеди, дикие гуси
В озере плавают заодно.
Рыбы плещутся неустанно —
Щуки, окуни и сазаны.
Никто друг друга тут не боится —
Вволю плещется и резвится.
Остановился Шульген, и потом
Вырвал волос у льва рывком,
Сплел петлю тугую, и вот
Он в тальник прибрежный идет,
Чтоб удилище срезать себе.
А там в ветвях соловей поет.
А вокруг того соловья
Вяхири стройным рядком сидят.
Здесь же ястреб, грач и сова
Мирно расселись за рядом ряд.
Дальше взглядом скользнув своим,
Видят: у подножья горы
В общем кругу сошлись одним
Лисы, куры и глухари.
Остановился Шульген пред зверьем.
Вспомнил сказанное стариком:
«Должен вначале к царю я пойти,
Тайны дворцовые разузнать,
И уж потом на обратном пути
Дичи для себя настрелять»,—
Так Шульген про себя решил.
Вмиг на льва своего забрался,
Что есть мочи к царю помчался
По дороге, когда не ждал,
Он Заркума встретил случайно —
От Урала бежал тот отчаянно.
Заркум Шульгена расспрашивать стал
Когда Шульген все рассказал,
Сыном назвался тот Азраки,
Так Шульгену Заркум соврал,
Клятвенно ему обещал
Вместе поехать к Азраке,
Подучить от него дары,
И на склоне крутой горы
Из родника Живого испить,
Чтобы жизнь бесконечно длить.
Шульген Заркуму поверил во всем,
Решил пойти с ним одним путем.
Много дорог они прошли...
И вот однажды черное что-то,
Возвышаясь до небосвода.
Перед взором открылось вдали —
Гора или туча — попробуй, пойми.
Если горой назовешь — кипит.
Облаком назовешь — гремит...
Растерялся Шульген, содрогнулся,
В страхе к спутнику обернулся;
Так ответил ему Заркум:
«Тот, кто неба горбом достает, —
Просто стражник возле дворца.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Тот, кто навстречу нам идет, —
Самый главный среди дивов отца.
Остановимся тут на дороге;
Ты меня подожди немного —
Подойду я к его порогу.
Скажу, что гость пожаловал к нам,
И тогда нас проводит он сам».
С тем Шульгена оставив там,
К диву главному подскочил:
Мол, меня и дружка моего
Пусть к царю проведут, попросил.
Все сразу понял див, говорят,
Дал царю намек, говорят;
Тот велел с почетом гостей
Встретить, двух подать им коней.
Вышел див к ним большой, говорят,
И Заркума с Шульгеном тут же
Во дворец повел, говорят.
Когда ко дворцу они подошли,
Вновь с Шульгеном Заркум расстался,
Чтоб обо всем царю сообщить...
И Шульген вновь один остался.
Заркум вошел к владыке дворца.
Тут-то около Азраки
Своего он увидел отца.
Азрака вместе с Кахкахой
Про Урала тою порой
Разговор вели меж собой,
Споря в растерянности и гадая.
Как поступить с батыром не зная.
Пришли дивы-сынсы сюда,
И так промолвил старший из них:
«О, владыка! Помнишь, когда
Только родился Урал-батыр,
Дивы, что в небесах пролетали,
Один за другим на землю упали?
Когда похитить хотели дитя,
Убить хотели его, шутя,
Оно в упор взглянуло на них —
И разум у дивов смутился вмиг.
Когда ребенок хотел их поймать,
Они, не в силах страха унять,
Рухнули наземь, как горный обвал.
А ребенок на ноги встал,
Близко к нашей стране подошел,
Мыслью одной: „Воду возьму“ —
Так Живой родник напугал,
Что в нем убавилась сразу вода.
Об этом тебе мы сказали тогда.
Ты пригорюнился: вот, мол, беда,
Выход надо теперь искать,
Иль новое горе нагрянет опять;
Человека нам надо найти,
Чтоб с его помощью войти
В доверие к царю Самрау,
У него Акбузата отнять.
Азрака на это в ответ:
„Чтоб Акбузатом завладеть,
Дикий нрав его укротить,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

А не удастся если — убить,
Семерых дивов я посылал,
Даже место им указал,
Где белый конь тот в небе укрыт;
Стали преследовать дивы коня —
Бежал от них он, как от огня;
Так поймать его и не смогли“
К великой досаде дивы мои
Назад не вернулись из звездных стран,
Опозоренными остались,
В небе в созвездии „Етеган“
Навеки полымем расплескались.
Решил я, чтоб горечь в душе унять.
Рыжего коня у Самрау отнять.
Самрау дочь от Луны имел —
Я и ее похитить велел.
Хоть дочь его в плену у меня,
Рыжего нет поныне коня,
До сих пор не явился к нам.
Потому говорю я вам:
Как зиме надобен белый снег,
Так нам нужен теперь человек,
Чтобы Хумай любою ценой
Смог бы приворожить собой;
Чтобы его полюбила она,
Чтоб Акбузата с алмазным мечом
Вместе с собой подарила она.
Тогда, угодив ему во всем, —
Отдай любую красотку ему,
Подарив любую страну,
Душу мы его обретем,
Урал-батыра тогда побьем.
Нам тогда от людей земных
Помех не будет никаких.
Будем делать, что захотим,
Все приберем к рукам своим!»
Так промолвил царь Азрака,
Раздувая свои бока.
Очередь Заркума настала.
Отвесил царю он земной поклон
И произнес: «Я брата Урала
С собой привел. Ждет поблизости он».
Про то, как обвел его, рассказал,
Тем одобренье царя снискал.
Шульгена провели во дворец,
Прямо к Азраке подвели.
Тот любезно принял его,
У трона усадил своего,
Заркума сыном назвал своим,
Кахкаху — другом дорогим.
И вот — нет гостя почетней Шульгена —
Яства пред ним появились мгновенно,
Богатства всюду его окружают,
Девушки танцами ублажают,
Все красавицы как на подбор —
Сердце греют и тешат взор,
Можно голову потерять!
Но даже среди таких — одна,
Как среди звезд ночных луна,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Сияет так, что слепит глаза —
Взгляд оторвать от нее нельзя.
Тонок стан ее, взор глубок;
Родинка на ее щеке
Нежно темнеет, как цветок.
Айхылу — имя девушки той.
Не видел Шульген красавиц светлей,
Страсти вспыхнувшей не сдержал —
О горячей любви своей
Заркуму сразу же рассказал.
Тот сестрою ее назвал.
Замуж за него обещал;
Так Шульгена разыгрывал он.
И, восторгом вконец упоен,
К Заркуму доверьем проникся Шульген.
Лестью взял Заркум его в плен:
Все отцу, мол, сейчас расскажу.
Верой-правдой тебе послужу.
И Азрака медлить не стал,
На высокую гору Кут-тау
Громким свистом дивов созвал.
Привести Айхылу велел,
Отвел в укромное место ее,
О том, что когда-то украли ее,
Никому говорить не велел,
Так красавице он сказал:
«Коль делать не станешь, как я приказал,
Голову оторвав, сожру,
В пламени кости твои сожгу!»
И от слов тех испуг немой
Душу пронзил ее, как иглой.
Шульген объявлен был женихом.
Справили свадебный пир потом;
Рада была Айхылу... Она
И впрямь была в него влюблена.
И любовью ее усыплен,
Жизнью дворцовой опьянен,
Счастью Шульген предался сполна.
Как-то царь речь повел о том,
Как Хумай — дочь Самрау — отыскать,
Как ее завладеть конем
Акбузатом и чудным мечом:
«Кто алмазный тот меч возьмет, —
На весь мир прославится тот,
Первым батыром прослышет,
Всех своей власти подчинит», —
Егетам Азрака говорит.
Так и этак он толковал,
Шульгена на подлый шаг подбивал.
И Шульген словам его вняв,
Про чудо-красу Хумай услышав,
И узнав, к тому же, что тут
Дива ему в дорогу дадут,
Тотчас решил отправиться в путь,
Царевной завладеть как-нибудь.
Меж собой сговорившись о том,
Брат Урала с Заркумом вдвоем,
На быстрого дива усевшись верхом,
В страну Самрау отправились в путь.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Не оборачиваясь назад,
Не успели и глазом моргнуть,
Цели достигли они, говорят.
Вот приятели с дива сошли,
Разговор меж собой повели;
Все обсудили они подробно.
Когда подвернулся случай удобный,
Заркум про Урала упомянул.
Спутника вновь своего надул:
«Есть страна за большой горой,
Которой правит змей-аждаха.
Царя того зовут Каххаха;
Есть у царя того под рукой
Жезл особенный: колдовской —
Против врага он станет огнем.
Если надобно — станет водой.
Бурю вызовет или гром;
Тихо и мирно в краю было том.
Да неизвестный батыр объявился.
Никто не знает, как ухитрился —
Выкрал иль как-то иначе сумел, —
Но жезлом волшебным тем овладел;
Владыку законного прогнал,
К рукам всю страну его прибрал,
Урал-батыром себя назвал,
Стал царем там батыр Урал», —
Так поведал Заркум, говорят.
С одной стороны Шульген был рад
Тому, что жив Урал — его брат;
Только мысль, что тот верх возьмет,
В богатырстве его обойдет,
Скажет: по странам, где я бродил,
Первым батыром признан был;
Что всюду будут его хвалить,
Дома будут его возносить, —
Сердце завистью заливало,
Злобой Шульген проникся к Уралу.
«Если на Акбузата вскочу,
Меч алмазный, подобный лучу,
Разом над головой взмечу,
Всех сомну я и растопчу!»
Рассуждал между тем Заркум:
«Хоть и едет он вместе со мной,
Хоть мне стал он как брат родной,
Все же не я, а он на Хумай
Женится, как ни плачь, ни рыдай,
Акбузата себе заберет,
Значит, и нас возьмет в оборот.
Буду пока с ним вместе шагать,
Храбрость его испытаю, стать.
А когда Урала убью,
Жезл отцу верну опять.
Волю тогда исполню свою», —
Так Заркум продолжал рассуждать.
Вот они добрались до цели,
На дворец царя поглядели,
И видят: перед самым дворцом
Полным-полно лебедей кругом.
Одна из птиц, приметив их,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

От подруг отделилась своих,
От стаи в сторонку отошла
И как будто подругам своим
Потаенный знак подала.
Моргнуть не успели прибывшие глазом,
Расступилась вся стая разом.
Ну а птица, что отделилась,
Взглянула на них — как сделала милость.
Когда про Хумай ее спрашивать стали,
«Нет ее», — ответ услышали.
Больше спутники ни о чем
Расспросить ее не успели —
Свершилось чудо на месте том:
Птицы, что снегом лебяжьим белели,
Вмиг свои шубы сбросили птичьи
И в девичьем предстали обличье.
Шульген восхищенно на них глядел;
От красоты одной онемел.
Сколько б он по земле ни бродил,
Не видел подобной, не находил!
Лицо сняло ее, как луна;
Нежно набухавшая грудь
И округла была, и полна.
И казалось, что все кругом —
И подруги в платьях своих,
И все, что окружало их, —
Озарялось ее красотой,
Ее целомудренной чистотой;
Будто весь мир пред девушкой той
Голову низко к земле клонил.
«Видно, это и есть Хумай», —
Шульген с восторгом сообразил.
Не выдала девушка видом своим,
Что подозренья исполнена к ним.
Не угадали друзья никогда,
Что поджидает их здесь беда.
Средь прочих красивейшая вдруг
От своих отделилась подруг,
И, как матка пчелиного роя.
Обратилась к ниц с речью такую:
— Вижу, прошли не один вы кран.
Узнали про девушку Хумай,
Отыскали ее наконец.
Так пройдите же во дворец.
Скоро явится к вам она,—
И, приветливости полна,
В покои дворца пригласила их.
Но скрыла имя свое от них.
Прошли они во дворец тотчас,
Важностью мнимой своей кичась,
Расселись по почетным местам.
За минутою шла минута.
Вдруг туман все вокруг окутал
И приятели чувств лишились.
Гул прошел, прокатился гром,
И потом земля расступилась
И Заркум с Шульгеном вдвоем
Провалились вдруг, говорят.
Стали ощупывать каждый угол.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Отыскать стараясь друг друга;
Не знали, что предпринять от испуга.
Когда ж наконец в себя пришли.
Когда все стены-углы обошли.
Обшарили яму от края до края.
Что случилось, не понимал.
Ужас их сковал, говорят.
Заркум сменил наружность свою —
Снова превратился в змею
И стал ползать в поисках шел и,
Чтобы выбраться из подземелья.
Мысли его Хумай разгадала
(Дивов немало она повидала!),
Одну из подруг подозвав, приказала
Яму с гостями водой залить,
До краев ее затопить;
Барахтаться вынудила, нырять.
Снова и снова выход искать.
Заркум водяной обернулся крысой,
В подземелье смрадном забился,
Рвался вперед и кидался вспять.
Тут Хумай над Шульгеном склонилась
И такие слова проронила:
«Что, провалившись в черную яму,
Страх в своем сердце, злодей, ощутил?
Или припомнил миг тот самый,
Когда свой нож на меня точил?
За прежний мой страх получи ответ,
Запомнишь надолго меня, егет!
Слезы людские проливавшее,
Жизни губившее, зло источавшее,
Пусть сердце твое от черной тоски
Разорвется здесь на куски!
Пусть добро возродится в нем,
Жизнь возродится, чтобы любить
Все живое в мире земном!
Пусть сердце — доброе и молодое —
Разумом будет владеть твоим.
Пока же кровью кипит оно злою,
В могиле своей оставайся живым!
Считать врагами научишься змей.
Станешь с умом выбирать друзей,
Будешь дорогой верной идти
С теми, с кем тебе по пути,
Жизненный путь пройдешь ты такой,
Чтоб в памяти остаться людской!» —
Слова такие сказавши, она
Удалилась, презренья полна.

Глава 5

О том, как Урал пришел во дворец Хумай; как, выполняя условие царевны — отыскать Живой родник, нашел сестру Хумай Айхылу и привез во дворец.

Служанка Хумай известила о том,
Что некий батыр явился в их дом.
Хумай сразу же узнала
В неизвестном егете Урала,
Но об этом ему не сказала.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

А он и думать о том не мог,
Что это к Хумай привел его Рок.
К батыру приблизилась она,
Красоты безмерной полна:
Необъятная, как водопад,
Сбросишь вниз — упадет до пят,
Монетами унижена вся
Ниспадающая коса;
Черных глаз обжигающий взор
Сквозь ресницы смотрит в упор;
Над глазами парящие брови
Улыбаются с любовью.
А упругая грудь налитая,
Словно волна речная, играет;
Стан ее тонкий, как у пчелы,
Своей подвижностью удивляет;
Голос будто давно знаком —
Переливается серебром;
Увидев девушку, что весела.
Дружеский разговор повела.
Что и ответить Урал не знал.
О том, что это и есть Хумай,
Все не догадывался Урал.
Недолго девушка так стояла —
Ласковым жестом в свой дворец
Пригласила она Урала.
Пройдя во дворец, ласковым словом
Всем Урал пожелал здоровья.
О том, что слышал, где побывал,
Что по пути сюда испытал,
Рассказал подробно Урал.
Взглянула девушка на него,
Смекнула, что привело его:
«Судя по всему, мой батыр.
Из далеких ты стран пришел.
Видно, долог был путь и тяжел.
Не скрывай же: чем смогу,
Тем в делах твоих помогу».
Урал:

«Знаю о том, что есть пять стран;
В одной из них родился я сам,
Две из них осмотрел по пути;
Чтобы две другие найти,
Шел с надеждою я в груди.
Где я только не побывал,
Кого я только не повидал, —
Всюду один себя важным считает,
Другой пред ним голову склоняет,
Сильный слабого попирает.
Есть на свете злодейка Смерть —
Нельзя простым ее глазом узреть,
Беспощадна и зла ее плеть.
Очень трудно ее одолеть.
От трудов она отрывает,
У родителей, не щадя,
Драгоценных детей отбирает.
Не имеет она друзей,
Сеет страх среди людей и зверей;

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Хочу мезтью я ей воздать,
Отыскать хочу и убить,
Страну от Смерти освободить.
Во время охоты от птицы одной,
Что попалась в сети живой,
Мне такое услышать пришлось:
Может, мол, и у вас человек
От Смерти избавиться навек».
Хумай:

«Для того чтобы не умирать,
Трупам в черной земле не гнивать,
Живой родник в земле той бежит,
Которую не видел никто, —
Царю дивов она принадлежит.
Но перед тем, как тебе помочь
Воду живую взять из ручья,
Есть условие и у меня:
Куда бы тебе не пришлось пойти,
Легкого не ищи пути!
Батыр, прошедший владение змея,
Легкий путь уступивший брату,
Сам отыскать себе путь сумеет.
Если такую птицу найдешь,
Какой не отыщешь в нашей стране,
О какой не слышал никто;
Птицу, что вобрала в себя
Тона и краски всех прочих птиц.
Коль птицу такую мне принесешь,
Помощь я окажу тебе,
Из Живого ручья зачерпнешь,
Что захочешь, то и найдешь».
Урал:

«Сюда пришел и издалека.
Чтобы увидеть добро и зло.
Чтобы Смерть отыскать и убить,
Всех людей от нее защитить,
Чтобы покой внести в этот мир,—
Таков я, вышедший в путь батыр.
Для тебя я птицу найду.
От тебя я помощь приму,
Но только позволь и мне в ответ
Поставить условие: примешь или нет?
Не в чем золото мне увозить.
Некого жемчугом мне одарить,
Создан я лишь добро творить;
Кроме Смерти, некому мне
За человечьи страдания мстить.
Чтобы исполнить волю людей,
Чтоб против Смерти идти верней,
Чтоб сокрушить ее до конца
И радость влить в людские сердца;
Чтобы во время страшной войны,
Когда ступлю на защиту страны,
Дать прошу я подарок такой,
Чтоб был соратником в битве любой,
Чтобы от тех, кто кровавые слезы
Проливает, отвел я угрозу, —

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Дар, скажи мне, тот будет какой,
Чтоб мне отбыть со спокойной душой?»
Хумай:

«Акбуз-тулпара тебе я дам:
Коня того не спалить огням,
В воду ль упадет — не утонет,
Ураганы его не догонят;
Кроме хозяина самого,
Другом не признает никого.
Если топнет — скалы ломает.
Море ржанием рассекает,
Все лишенья разделит с тобой;
Рожденный и выросший в небесах,
Не имевший потомства в наших краях»
Его тысячу лет подряд
Дивы Азраки не могут поймать.
Тулпара того подарила мне мать.
Избраннику своему я должна
Преподнести в подарок коня.
Дам тебе я алмазный меч,
Который ржавчина не берет,
Который мощь ничья не согнет,
Никакой огонь не сожжет.
Станет водою он против вод.
Всех чудовищ на этом свете
В страх вгоняет, подобно Смерти,
Будто бы овец, распугнет.
Рад словам ее был Урал.
Чтоб девичье исполнить желанье,
За птицей отправиться слово дал.
Несколько дней у Хумай он жил,
Во дворце ее дивном гостил;
Себя ж она так и не назвала,
О том, что заперт в подвале Шульген
Взятый вместе с Заркумом в плен,
Не сказала ему; а он
Догадаться не мог о том.
Урал спозаранок с постели встал,
Лицо водою омыл Урал,
С девушкою за одним столом
Поел неспешно, набрался сил.
Жезл волшебный в коня превратил,
Много дней с коня не сходил;
Потом приехал на место одно,
Что было горами окружено;
Там ни ворон и ни сорока
Души живой не видели сроду;
Где никогда человек не бывал,
Ни див какой-нибудь и ни джин
О том месте не подозревал;
Скалы здесь — как верблюжьи горбы;
А на вершину посмотришь горы —
Выше туч уходит вершина;
Воплощеньем земной красоты
Возвышалась она недвижимо.
Рассекая громаду туч,
Урал взошел на вершину ту,
Мир с высоты оглядел, говорят,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Свет какой-то заметил потом,
Переливавшийся звездным огнем,
Двинулся в направлении том.
Огляделся, добравшись до цели:
Озеро, поросшее камышом,
Неподалеку увидал:
Вместо камешков — серебром
Дно было устлано и берега;
Цветы стояли, не колыхаясь,
Словно дети, в воде купаясь.
Озера гладь слепила глаза.
Отражай в себе небеса.
Там вода на ветру не рябит,
А от солнечных лучей
Жемчугом дорогим блестит.
Стая самых различных птиц
На том озере собрались;
Среди них выделил Урал
Птицу одну — вобрала она
В себя все краски и тона.
Незаметно для птицы он
К ней подкрался; со всех сторон
Так и этак осматривать стал,
Своим жезлом заколдовал.
Подумал: «Уж не птицу ли эту
Хумай велела искать по свету?»
Ну а птица страха не знала.
От человека не уплывала.
Приближаться к Уралу стала.
Не зная обычаев, батыр
Бросился сломя голову к ней,
Но рванулась она от него,
Стараясь упорхнуть поскорей.
Устремился за нею Урал,
Изловчившись, птицу поймал.
Тут она и загоревала.
Решив, что в руки врага попала.
И, когда ее крепко держа.
Выбрался он из камыша,
Чуя, что нависла беда.
Заговорила птица тогда:
«Кто ты — див или человек.
Не ступавший сюда вовек?»
Человечьи слова услышав,
В изумленье пришел Урал.
Когда озеро он миновал,
На лужайке, у родинка,
Птицу он спрашивать стал —
Про то, чья родом и как зовут.
Птица насторожилась тут,
И затем, взглянув на Урале,
Так она ему отвечала;
«Закрой глаза, мой егет, не смотри,
Руки прочь от меня убери».
На миг задумался Урал,
Так и этак прикидывать стал.
Такие жезлу слова прошептал:
«Если вдруг улетит — ты за ней
Соколом воспаришь поскорей.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Ну, а если в воду нырнет,
Щукой метнешься в пучину вод!»
И отпустил с тем птицу Урал.
«Теперь, егет мой, глаза открой,
О чем говорить желаешь со мной?»
Глаза свои открыл Урал
И чудо пред собой увидал:
Красавица — тонких бровей размах,
Мягкие ямочки на щеках.
А на левой щеке темнеет
Родника — нету которой нежнее.
Туго заплетенные в косы
Вдоль ее щек, горевших, как розы
Словно черные ручейки,
Ниспадают, тонки и легки,
Волосы, украшенные тесьмой.
Сквозь ресницы редкой длины
Глаза сверкающие видны;
Тают ямочки на щеках,
Блещет улыбка на губах;
Очертанья ж ее груди
Готовы любого с ума свести.
Начала так она говорить:
«Да, егет мой, скажи, какой
Тебя сюда привело судьбой?
Какая вина за тобою есть,
Что ты вдруг оказался здесь?
Ай, егет мой! Скажу тебе;
Улыбка моя и мое выражение,
Все, что я думаю о тебе, —
Доверия моего отражение.
Доныне не приходилось мне
Видеть егетов таких даже во сне.
Не чаяла повстречать человека
Здесь, где и Див не бывал от века.
Сила во мне такая была,
Чтобы уйти рыбою в воду,
Взвиться звездой к небосводу, —
И сохранила б тогда я свободу.
Но при виде тебя желанье
Стаяло, как под ветром туча;
Всё дороги, что вдаль уходят,
Тропками попадали с кручи;
Все отошло далеко от глаз —
Будто все испарилось враз.
Девочкой я когда-то была,
Баловницей дома слыла;
Див проклятый выкрал меня;
Там отдана была замуж я.
Муж мой тоже егетом был,
Да недолго со мною жил —
Неожиданно вдруг исчез
Из тех навек ненавистных мест,
Убежала от дива я,
Усмиряя на сердце грусть;
Если снова к отцу вернусь.
Туда, где родина моя.
Боюсь, что див войною придет,
Землю отца силой возьмет.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Боюсь, что горе я принесу
И стране своей, и отцу.
Обернуться решила я птицей
Такой, что людям и не приснится,
Такой, каких на земле не бывает;
К этому озеру я прилетела
Которое никто никогда не найдет,
Никто к которому не забредет».
И услышав такие слова,
Тайну девушки он узнал.
Сам тоже таиться не стал.
Только о том, что ищет птицу
По просьбе царевны, умолчал.
Так про себя он рассуждал:
«Знать, судьбой я удачи лишен —
Птицу, ради которой шел,
И тут, видно, я отыскать не смог.
И решил не жалеть он ног.
Весь мир обойти из края в край,
Но только исполнить желанье Хумай.
„Егет, послушай слово мое!
Тебе открыла я сердце свое,
Айхылу меня в наших краях
Звали все. Мой отец — падишах,
А Луна — мне небесная мать.
Чтоб нареченному подарить.
Есть у меня рыжий конь — Харысай:
Воды захочешь — к ней путь найдет“
В бой с тобою, как друг, пойдет.
Так послушай меня, егет,
Сам решай, соглашаться иль нет:
Птицу, которую ищешь ты,
В этих краях тебе не найти.
Весь мир в полете отец охватил,
В небе над землею парил,
Во всех ее краях побывал,
Всяких-разных птиц повидал,
Поедем в царство отца моего,
Добравшись туда, увидим его,
Птицу ту, что нужна тебе,
Мы отыщем в нашей стране.
Если от дива меня спасешь,
Отец богатством тебя одарит.
Если ровней меня сочтешь,
Для жизни страну мою изберешь,
Вместе мы с тобой заживем,
Будут там и очаг, и дом,
Жизнь счастливую мы поведем».
«Ах, красавица ты моя,
Дары не приму никакие я,
Не поеду в твою страну,
Жизнь счастливую там не начну.
Если птица и вправду ты,
Коль стала на время девушкой ты,
Я тебя заберу домой,
Во дворец, что известен лишь мне,
Мы прибудем вместе с тобой.
Там поведаешь обо всем,
Скажешь о желанье своем:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Пожелаешь — птицею станешь,
Пожелаешь — девушкой станешь;
Если обидят тебя невниманьем,
Не исполнят твои желанья,
Сам за тебя я заступлюсь,
Вновь с тобою сюда вернусь», —
И закончил Урал на том.
С ним девушка согласилась.
По тому, как говорил он,
Она доброту его оценила.
В птичью шубу свою облачилась
На жезл уселись они вдвоем,
Горные цепи перелетели.
Даже глазом моргнуть не успели,
Как во дворце оказались Самрау.
Девушки с радостными лицами
Горячо обнимали птицу,
Воскликая: «Ах, Айхылу!»
И, видя такую встречу, Урал
Удивляться не переставал.
Шубу скинула Айхылу:
«Проходи же, егет, не стой.
Дворец, открытый передо мной,
Также и для тебя открыт.
Нас с тобою он породнит», —
Так Уралу она говорит.
Что оставалось Уралу? Он
Был растерян и удивлен.
Целуя девушку и обнимая,
Обратилась к нему Хумай:
«Ай, егет ты, вай, егет,
Видно, преград для батыра нет:
Ту, что приходится мне сестрой,
Отыскав, ты привез домой,
От коварных дивов увез...»
И вконец смущенный Урал
Нерешительно произнес:
«В озере, где я птицу поймал,
Дивов никаких не видал.
В дороге трудностей никаких
Я не видел, не испытал.
Как, скажи, ты узнать могла,
Что меня в тех краях будет ждать,
В птичьей шубе твоя сестра
Будет плавать там и нырять?»
Тут Хумай и сама удивилась,
К Айхылу она обратилась:
«Как же див не узнал того,
Что сбежала ты от него?»
И тогда Айхылу поняла,
Что не знает Хумай ни о чем,
Что в неведеньи тут жила.
Рассказала она о том,
Как покинула мужнин дом,
Убежав от коварного дива,
Спряталась в камышах залива.
И о том еще рассказала.
Как Урал ее отыскал,
Как ему в руки она попала;

УРАЛ-БАТЫР.РФ

О том, что никто в отцовском дворце
Про это не ведал и не слышал.
Хумай, услышав ее рассказ,
Перед Уралом на этот раз
Не стала скрывать, что она — Хумай;
Что с тех пор она знает Урала,
Как в их сети однажды попала.
Затем позвала она отца
На свою половину дворца.
В радости царь Самрау прибежал,
Дочь Айхылу к груди прижал,
И роняя счастливые слезы.
Дочери стал задавать вопросы.
Обо всем рассказала та
От начала и до конца;
С волнением выслушал ее царь
С растроганным выраженьем лица,
И напоследок произнес.
Не скрывая счастливых слез:
«О том, что Айхылу возвратилась,
Что от дивов она укрылась,
Ни единой душе на свете
Не говорите — держите в секрете.
Див узнает — начнет войну,
Нападет на мою страну;
Видите, как извелась Айхылу
От всех пережитых бед.
Ее исцелит лишь матери свет.
Пусть она к матери Луне
Полетит и наш передаст привет.
А понадобится — позовем...»
Речь свою он закончил на том.
Со своей стороны, во всем
Дочери согласились с отцом.
Айхылу всего несколько дней
В доме родительском отдыхала,
На глазах она расцветала.
А затем отец и сестра
Вызвали рыжего скакуна,
Которого в дар Айхылу
Преподнесла мать Луна.
И в одну из темных ночей
Айхылу проводили к ней.

Глава 6

О том, как царь Самрау согласился выдать замуж за Урала Хумай, отдать ему в подарок коня Акбузата и булатный меч; о том, как встретились братья Шультген и Урал; как старший брат оказался коварным и злым человеком; как он осрамился на майдане, созванном царевной Хумай, как Урал удивил всех собравшихся на майдане.

Так во дворце у Самрау Урал
Гостем желанным пребывал.
Вот однажды в рассветный час,
Пролежав, не смыкая глаз.
Он Хумай негромко позвал
И такие слова сказал:
«Когда еще мальчишкой я был.
Когда тебя отец подстрелил.
Когда гибельную петлю

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Наложили на шею твою,
Когда ты страхом объята была, —
Или впрямь говорить могла.
Или в испуге речь обрела.
Но сказала: мол, есть такой
На свете родник с живою водой.
С тех пор охвачен я мыслью одной:
Смерть проклятую отыскать.
Навек ее из страны изгнать,
Чтоб земля могла вечно жить,
Воду из родника зачерпнуть.
Землю той водой напоить,—
С тем и вышли мы с братом в путь.
Но расстаться нам вышел срок
На скрещении двух дорог.
Пошел налево мой старший брат.
Направо пошел я, грустью объят.
Так разделили дороги нас
В тот роковой, тот прощальный час.
Бродил по свету я много лет,
Много радостей видел и бед.
Памятуя слово твое,
Я приехал в царство твое.
Отыскал, как видишь, тебя,
В твой дворец я вошел, любя,
И завел разговор с тобой.
Привязав льва пред вашей стеной
Велела сестру ты родную найти
И сюда ее привезти,
Вновь напомнила мне о том
(Говоря о подарке своем),
Что от Смерти избавиться можно.
Намекнула потом осторожно,
Что подаришь мне что-то. Я жду;
Дар какой ты имела в виду?»
И, в батыра Хумай влюблена,
Устремилась к отцу. Там она,
Страсти и смятенья полна,
Тайну сердца открыла ему,
Отцу державному своему.
«Любишь — душу не изводи,
Замуж за него выходи,
Акбузата ему подари,
Счастье и радость познай в любви;
Батыру такому же, как Урал,
Благородной матерью стань;
Во имя Урал-батыра ты
На волю брата его отпусти,
Всю страну позови на пир,
Пусть восславится там батыр,
Пусть никто не будет забыт.
Каждый будет доволен и сыт», —
Такие отец ей сказал слова.
И послушна Хумай была —
Шульгена выпустила она.
Вся на свадьбу сошлась страна.
Встретившись с Шульгеном, Урал
Радости своей не скрывал.
Видя брата перед собой.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Счастливым был он встрече такой;
Обо всем, что видел в пути,
Шульгену подробно рассказал.
Брата слушая своего,
Шульген по-своему рассуждал:
«Может так прославиться он,
Что будет надо всеми вознесен,
Домой вернется, гордости полн.
Именем будет кичиться своим,
Я ж окажусь ничтожным пред ним»
Мыслями был он такими томим.
И поэтому перед Уралом
Ничего говорить не стал он —
Скрыл и то, что с Заркумом знаком,
Что в яме сидели они вдвоем;
С целью какой явились сюда,
Тоже не признался тогда.
Зато надумал он брата убить,
Славой его себя наделить,
Хумай прекрасную в жены взять,
Акбузата затем оседлать
И меч алмазный себе забрать.
То, что Шульген постоянно был зол,
Что бродил он угрюмый, как вол,
Что подозрительно всех озирал,
Урал всерьез не принимал.
«Оттого, что он в плен попал,
Неудобно ему теперь», —
Рассуждал про себя Урал.
Однажды брата он увидел —
Тот проходил и мрачный, и злой,
Брови вытянуты тетивой, —
Обратился к нему Урал:
«Батыры, на львах своих восседая,
От бед друг друга оберегая,
Дружбой спаянные всегда,
Не расстанутся никогда.
Если в бою заодно они, кто
Устоит перед силой той?
Против огня она будет водой,
Против врага вознесется горой;
Ради других ляжет костью —
Попробуй силу такую сломить!
Не переведутся батыры вовек,
Пока на свете жив человек.
Батыр без лестницы в небо взойдет,
Земную глубь без ключа отомкнет,
Знают: добрые руки дадут Воду,
А подлые — только яд», —
Так старшему молвил младший брат,
А недоверчивая Хумай,
Не понимая, что происходит,
За братьями продолжала следить.
Их отношений не понимая,
Подходила к ним иногда —
Замолкали она тогда.
На вопросы не отвечали,
Только хмурились и молчали.
Едва батыра Хумай увидела,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Оценила отвагу Урала,
Благородство его оценила,
Всею душою его полюбила.
На нем свой выбор остановила.
Видя злобу старшего брата,
Свободе его не была она рада.
То, что они без конца говорили.
Раскаленными оба были,
То, что сердито Шульген надувался,
Настораживало Хумай.
И когда спать улегся Урал
(Он по пятеро суток спал),
Очень странно Шульген себя вел,
Взор был темен его и зол.
И решила царевна не спать —
Сон батыра оберегать.
Шульгена отдельно уложила,
Тем своего батыра спасла,
Подлый удар от него отвела.
Шульген:

«Во многих землях ты побывал,
Много всякого повидал,
В богатырстве силу обрел
И сюда вот теперь пришел.
Оказался в стране Самрау,
Словно в собственный дом вступил.
Что же дальше делать решил?
Кажется мне, ты не видишь пути,
По которому надо идти.
Давай против Самрау войной пойдем,
Акбузата его отберем,
Один из нас жезл волшебный возьмет,
Сядет на Акбузата другой —
Устоит ли кто против силы такой?
Станем мы во главе страны —
Всех кругом покорить мы должны;
Станем могучими царями!
Дай ты мне свой жезл колдовской —
Ввергну эту страну я в пламя;
Я царевну, что красотой
Всех пленяет, в плен захвачу.
На коня ее гордо вскочу.
Не забудь: ведь я брат твой родной —
Разделе свою славу со мной!»
Урал:

«Знай, Шульген: они никогда
Людям не причиняли вреда,
Кровь ничью они не проливали.
Других врагами не считали.
Лучше отправимся мы вдвоем
В царство дивов и их побьем.
Всех, кто в страшных муках томится,
На свободу вернем из темницы.
Захочешь ли девушку отобрать.
Иль Акбузата захочешь взять,
Бери, если девушка согласится.
Если конь с твоей властью смирится.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Из-за девушки воевать,
Смерти дорогу открывать —
Не будут ли это злодейством считать?
Можно ли в отчий край возвратиться
С кровавым именем убийцы?
Азраку мы должны победить,
Водою Живого родника
Род человеческий окропить.
И тогда всех людей на земле
Сможем в бессмертных мы превратить».
Слыша это, Шульген замолк,
Взяв наконец мысли брата в толк.
Однажды в укромном месте, когда
Время Хумай коротала одна,
К ней неслышно Шульген подошел.
Руку ей положил на плечо,
Сладкозвучно и горячо
С нею речь о любви повел:
«Добрые и злые дела
Возвращаются к их творцу», —
Ты когда-то давно изрекла.
Черных помыслов между нами,
Пиров, где топят друг друга в крови,
Не будет — во имя нашей любви.
Слово есть у меня к тебе:
Вместе с братом выросли мы
Там, где воды лишь и холмы;
Сердца наши в дружбе закалены.
Если выслушаешь, скажу.
Тайну заветную разглашу
И со страстью и нетерпеньем
Твоего слова я буду ждать.
А отвергнешь мое предложение,
Не сможешь ответа ясного дать,
Буду вынужден для решенья
Я другие пути искать.
Лишь пришел во дворец я твой,
Был пленен твоей красотой,
Вмиг душой ты моей овладела,
Хоть на меня и не поглядела.
То ли меня ты тогда не узнала,
(Лицо ли мое тебе что сказало)
И тебя это испугало,
Или испытывала меня,
Как испытывают коня,
Иль, быть может, приход Урала
Стал причиной, что в подземелье
Ты меня заточить велела.
Снова увидев твой светлый лик,
Обо всем позабыл я вмиг.
«Не может лучше красавицы быть
Век ищи — не найдешь такую, —
Думал я, любя и тоскуя,
подавляя сердечный крик.
Пожелаешь — и будем вместе.
Прикажи — на тебе женюсь.
Ну, а станешь противиться если,
В одиночестве удалюсь».
Хумай:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

«Егет, я выслушала тебя,
Тайные помыслы твои
Безошибочно поняла.
Дочь я лучшего из царей,
Старшая из дочерей.
Мечты исполнятся все твои,
Созову я большой майдан,
Твою удаль увижу там,
Акбузат сам выбора ждет,
Только равного изберет.
Конь в подарок мне матерью дан,
Кликну — явится на майдан.
Коль батыр ты — сразу поймет.
Если из ножен вырвешь меч,
Притороченный к луке седла,
Вскинешь его над собой, тогда
Будешь признан батыром ты,
Перейдет тебе конь навсегда.
Я отцу моему скажу,
Что, мол, замуж выхожу».
Так сказала Хумай в ответ.
Тем ответом он был согрет.
Вот царевна майдан созвала,
Акбузата к себе призвала;
С громом в небесной глубине.
Вызвав бурю по всей земле,
Глыбы камней круша на горах,
Всех ввергая в смертельный страх
Вдруг возник, будто сам собой.
Словно с неба летящей звездой,
Акбузат в мир сошел земной.
Подойдя послушно к Хумай,
Голову склонил, говорят.
Успокоился Акбузат.
Весь майдан восторгом объят:
На коне чудесном седло,
Ну а к луке седла того
Приторочен алмазный меч;
Лита из золота лука седла,
Недоуздок на нем золотой;
Уши — два шила над головой,
Грива развеивается гордо,
Вздернута точеная морда,
Зубы — как дольки чеснока,
Грудь соколиная, узки бока,
Крут и легок в копытах он,
Медью отливают глаза,
Шея тонкая, как змея;
Двойная макушка, впалые щеки,
Словно вытянутые — ноги,
Веки — как у дикого беркута;
Ступает, вздернув голову кверху,
Землю хвостом метет на ходу,
Уши ножницами раздвигает.
Танцует на месте, кося глазами;
Как у волка, быстрая кровь,
Так и пылает пара зрачков.
Дрожит под ногами его земля,
Пена стекает из пасти, бела,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

А помчится, вспорхнув, как птица, —
Только следом пыль закружится;
Любого, кто повстречается с ним,
Поражает величием своим —
Вот таким был дивный тот конь,
Слетевший вниз, как небесный огонь.
И Хумай коня обласкала,
И такие слова сказала:
«Как звезда, ты на небе жил,
Свято честью своей дорожил.
Тех батыров сбросил с седла,
В ком не людская кровь текла.
Батыров моих наперечет
Знаешь ты — им узду не давал,
Достойными себя не считал;
Ну а сам для меня батыра
Тоже искать по свету не стал.
Вот два батыра, что здесь сошлись,
Прихода твоего заждались.
Сочтешь ли своим того, кто пригож,
По богатырству ли изберешь,
Только один в твоей судьбе
Станет избранником, другом тебе,
Так же, как нареченным мне».
Акбузат:

«Не принесет мне славу красивый,
На мою не взберется он спину,
Я признаю лишь отвагу и силу.
Когда грозой набухает туча,
Когда рванет ураган могучий,
Все ж не смиряется птиц порыв,
А перекасти-поле, найдя обрыв,
Дальше летит, бурю опережая.
Я ж помчусь — Смерть сбежит, завывая,
Камень на месте не улежит,
Волна взволнуется и закипит —
Рыба с ума сойдет под водой;
А по Каф-тау ударю ногой —
Разлетится она толокном.
Кровожадные твари кругом
До единого смерть найдут.
Благодетели их спасут.
К луке золотого седла
Меч приторочен подобьем крыла.
Долгие годы солнце его
Калило жаром огня своего,
И потому никакое пламя
Меч тот алмазный вовек не расплавит.
Ничто не может его раздробить.
Лезвие прочное притупить.
Если батыр, вступающий в спор,
Не забросит превыше гор
Тяжесть в семьдесят батманов,
Затем тремя пальцами не поймает,
Пусть батыром себя не зовет, —
Меч алмазный он не возьмет.
Коль силачом он не будет таким,
Другом достойным не будет моим;

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Всадник такой усидит ли в седле,
Если я поскачу по земле?
Кто хочет имя батыра иметь,
Кто мною желает завладеть,
Пусть испытанье такое пройдет —
Тогда и в руки меня возьмет!»
И все, кто слышал слова Акбузата,
К подножью большой горы пошли.
Ровно в семьдесят батманов
Исполинский камень нашли.
Вывернуть из земли хотели,
Целый месяц кряхтели, потели,
Вытягивали его целый год —
Камень не поддавался тот.
Хумай на Шульгена поглядела:
«А ну-ка, подними!» — повелела.
Шульген к камню тому подошел,
Стал ощупывать с разных сторон,
Понял, что камень очень тяжел,
Так напрягся, что по колени
В землю, там где стоял, ушел.
Месяц тужился, говорят,
Год весь тужился, говорят,
Толкал обеими руками —
Только с места не двигался камень;
Окончательно изнемог,
Повалился бессильно с ног.
Посмотрела Хумай на Урала,
«Ну, теперь ты, батыр», — сказала;
К камню Урал подошел, говорят.
Был огорчен и наполнен стыдом.
Ибо был посрамлен его брат.
По камню стукнул он кулаком,
Из земли его вырвал рывком,
И затем тот камень схватил,
В небо синее запустил —
Точно выстреленный, тот взмыл
И в небесном пространстве исчез.
Все засмотрелись в глубь небес.
Каждый падения камня ждал.
Было утро — полдень настал,
А потом — час закатный пал.
Наконец в небе шум раздался —
Это камень назад возвращался.
В страхе, что он, упав, прибьет,
Горьким плачем зашелся народ:
«Ах, не дай беде разразиться,
Камню на головы наши свалиться!» —
Так Урала народ умолял.
Руку одну подставил Урал,
Камень падающий поймал.
«В какой стороне Азрака?» — спросил,
И когда ему показали,
В сторону страны Азраки
Камень что есть сил запустил.
Люди, собравшиеся толпой,
Переглянулись между собой,
Стали строить догадки: куда, мол.
Приземлятся запущенный камень?

УРАЛ-БАТЫР.РФ

После этого Акбузат
Голову перед ним склонял:
«Покориться тебе я рад», —
Он как будто бы говорил.
Расступился тут народ —
Выступил царь Самрау вперед,
Руку богатырю протянул,
Зятем быть своим предложил.
Зазывалы тут всех собрали,
Свадьбу сказочную сыграли,
И, благодарности полны,
Просили: «Будь батыром страны?»
За этим всем я Шульген наблюдал,
Видел, как был восславлен Урал,
Вынести такого не мог,
Завистью черною истек.
И Урал его пожалел,
С Хумай по душам поговорил,
Отцу ее все как есть объяснял;
Совет они стали держать втроем,
Отозвать Айхылу решили потом.
Вновь на свадьбу собрать народ,
Выдать замуж ее за Шульгена.
Решили, чтоб успокоился тот.
И согласился с тем Самрау,
Дочери благословение дал,
Устроить пир большой приказал.
Когда свадьба Хумай и Урала
Шла, веселье было и смех,
Внезапно вся земля задрожала,
Напугав и встревожив всех.
Синее небо над головой
Покрылось огненной пеленой.
Люди вскинули вверх глаза.
Засмотрелись на небеса,
Стали растерянно думать-гадать,
В чем причина старались понять,—
Никто не мог ничего сказать;
Когда стояли так, в страхе немом,
Думая: может быть, это — див?
Когда стояли, в страхе застыв,
С неба что-то, огнем полыхая,
Стало падать, плача, стеная;
Все стояли, рты пораскрыв.
И тот дымный клубок огня,
Что стремительно вниз слетал,
Изловчившись, поймал Урал.
Клок огня, что с небес спускался,
Девушкой Айхылу оказался.
Когда возвращалась она назад,
Ее огонь объял, говорят.
Каждый рассказу ее ужаснулся:
«Когда ваш камень к небу взметнулся,
Я с небес на него смотрела
И уж только потом разглядела,
А тот камень через моря
Далеко-далеко уходил,
Прямо на землю Азраки-царя
Раскаленным комком угодил.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Землю надвое он разбил.
Вздыбился огонь высоко
И меня собой охватил
Так, что я потеряла память.
Очнувшись, стала сбивать я пламя,
С трудом добралась до своей страны».
Все тут были поражены.
Осознал Шульген наконец,
Что Азрака ему солгал,
Уверив, что он — Айхылу отец,
Когда-то замуж ее отдал.
Девушка, что с небес сошла,
Той самой невестой его была.
«То, что когда-то мне див говорил,
То, что на дочке своей женил, —
С начала и до конца — все сплошь,
Оказывается, хитрость и ложь», —
Про себя подумал Шульген.
И соврал он и сам: мол, в плен
Я попал и сбежал вот к вам.
Поверила Айхылу тем словам.
Видя, что снова Шульген предстал
Вместе с дивом, который не раз
Выйти замуж ее умолял,
Хумай встревожилась тотчас,
Дух сомненья ее объял.
Самрау же про себя был рад:
Два батыра — оба зятя.
Будет опорой мне каждый брат,
Жить в спокойствии буду я.

Глава 7

О том, как похитив волшебный жезл и с его помощью вызвав бурю и наводнение, Шульген вознамерился уничтожить людей, как сбежал вместе с аркумом к царю дивов Азраке; о том, как Урал убил Азраку и прочих дивов, как создал из их искромсанных тел горные хребты.

Когда Хумай во дворец возвратилась,
Вниз к Заркуму она спустилась;
Вмиг померк для Шульгена свет:
Вдруг Заркум откроет секрет?
Много ему сулит это бед.
Думать стал Шульген и гадать,
Выхода из тупика искать:
Жезл волшебный похитить решил,
Перевернуть все кверху дном,
Оседлать Акбузата потом,
Захватить с собою Хумай,
К Азраке уехать, в тот край,
Чтоб вернуться сюда войной.
С черной думою об измене
У брата чуть ли не на коленях
Стал просить: «Дай и мне обрести
Славу; позволь к Азраке пойти
И страной его завладеть».
«Лучше вместе на дивов пойдем.
Сокрушим злодеев вдвоем», —
От души предложил Урал.
Но Шульген противиться стал.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Жезл тогда ему отдал Урал.
Пока с Заркумом Хумай говорила,
Из подземелья потом выходила,
Обо всем Шульген разузнал
И жезл волшебный к рукам прибрал.
Затем Хумай не дожидаясь,
С Айхылу своей не встречаясь,
Ничего не сказав Самрау,
От дворцовых людей в стороне
Ударил жезлом он по земле,
Всю ее затопил водой,
В ужас вверх Шульген род людской.
Перемену увидев такую,
В рыбу Заркум превратился большую,
Вмиг Хумай живьем проглотил
И в подводный зарылся ил.
Когда свершилось черное дело.
Солнце на небе потемнело,
Акбузату сигнал дало —
И нырнул Акбузат на дно;
Помрачнело море, вскипело,
И все поняли, в чем тут дело.
Исчезновенье Хумай увидав,
Море вмиг перекрыл Акбузат.
В западню Заркума загнав,
Вынудил Хумай отпустить.
Все же вновь сумел тот словчить —
Незаметно ушел под водой.
Хумай во дворец вернулась живой;
Догадался Урал о том,
Что брат родной оказался врагом.
Когда вода постепенно сошла,
Когда Шульген, полон яда и зла,
Понял, что сила жезла слаба,
Чтобы против коня устоять.
То с аркумом пошел опять
К Азраке спасенья искать.
Обо всем Азраке рассказал.
Не в силах дрожи в теле унять,
Азрака всех дивов созвал;
Шульгена, Заркума и Кахкаху,
Несколько дивов, что были в славе,
Во главе своих войск поставил;
Вынес затем приказ такой:
Затопить всю землю водой,
Небеса заволочь огнем,
Чтоб не было жизни ни ночью ни днем.
Чтоб птицы по небу не летали,
Люди по земле не ступали.
И пришла на землю беда:
Всю ее затопила вода.
А над нею — красным-красно —
Пламя до небес доросло.
Трудно стало птицам летать,
Трудно стало людям дышать,
Всюду крики пошли и стоны;
Множество зверей и птиц,
Убежав из страны драконов,
В месте потайном собрались.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

К Уралу пришли они с мольбой.
Урал не дрогнул перед бедой,
Перед огненной пеленой.
Живо на Акбузата вскочил,
Меч алмазный тотчас схватил,
Дивам коварным в тот же миг
Войну смертельную объявил.
Месяц Урал, говорят, воевал,
Год, говорят, воевал Урал,
Пламени разгореться не дал;
Люди, смастерив себе плот,
Не погибли в пучине вод;
Бился Урал-батыр всем на диво,
Уничтожал безжалостно дивов.
Многих сразил могучей рукой;
Кромсал их с ненавистью такой,
Что там, где бился он с их ордой,
Туши поднимались горой
Над окровавленной водой.
Воду Акбузат рассекал —
Следом путь земной возникал.
И по тверди, восставший из вод,
Выбирался спасенный народ.
Дни напролет воевал Урал,
Ночи без сна воевал Урал.
Когда он битвой охвачен был,
Когда врагов косяками крошил,
Азрака ему повстречался —
И схлестнулись они вдвоем.
Остервенело каждый сражался.
Нанося удары мечом;
Каждый из последних сил
Удары страшные наносил.
Когда Азрака бил своим мечом,
В небесах раздавался гром;
Когда на Урала огонь напускал,
Водный простор вокруг закипал;
Был по-звериному он жесток,
Но выбить из седла Урала не мог;
Силу духа Урал не терял;
Ловко занес он алмазный меч —
Снес им голову главного дива с плеч,
На куски его искромсал.
В воду меч Азраки упал —
Кажется, весь мир задрожал;
Так убил Азраку Урал.
Огромное, страшное тело его
Надвое водный простор рассекло;
На месте том поднялась гора,
Чтоб могли туда люди забраться,
Отдохнуть и силы набраться.
А Урал поскакал вперед;
Конь его резал пучину вод.
Там, где скакал он, верной опорой
Поднимались высокие горы.
Которые никакая вода
Затопить не могла никогда;
Каждый горам возникавшим был рад —
На них взбирался и стар, и млад.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Глава 8

О том, как пришли к Урал-батыру его сыновья: Яик — от дочери царя Катилы, Нугуш — от Гулистан, Идель — от Хумай, сын Шульгена Сакмар, рожденный от дочери Луны — Айхылу; как они стали ему верными спутниками в пути, неустрасимыми соратниками в битве и победили коварных драконов; о том, что произошло между Уралом и Шульгеном.

Много лет Урал воевал.
Дивов во множестве уничтожал.
Горы рождались одна за другой —
Под могучей его рукой.
Дети, родившиеся на свет.
Когда вступил он в жестокий бой.
Могли теперь мчаться во весь опор,
За Уралом-отцом вослед,
По хребтам и вершинам гор.
Четыре молодца, говорят,
Готовя себя к большим сраженьям,
На четырех тулпарах в ряд
При богатырском снаряженья
Ехали путем отца, говорят.
Друг от друга не отставая,
След Урала в горах не теряя,
Прибыли к нему, говорят,
Приветствовали его, говорят.
Первый:

«Сын я дочери царя Катилы,
От тебя рожденный егет.
На коня я сел в восемь лет
И объездил почти весь свет.
В месте одном я кровь увидал —
Ее не впитывала земля,
Даже ворон ее не клевал.
Даже звери ее пугались,
Во все стороны разбегались.
Матери я о том рассказал,
Просил ее тайну крови открыть
Ничего не сказала мать,
Только села и стала рыдать,
И не знал я, что ей сказать.
Был растерян я, удручен,
Не зная, что значат те слезы и стон;
По стране я много бродил,
Много людей встречал по пути —
И стариков, и молодых,
О тайне крови спрашивал их.
Не объяснил мне толком никто,
Только одно говорили про то:
„Отец твой — как Тенгри-бог для нас,
Всех от страшной участи спас,
Честь его мы в сердцах храним,
Тайну матери свято чтим.
Ты у отца могущество взял,
Грудь своей матери ты сосал,
Для обоих ты — общий сын.
И если так твоя хочет мать,
Сам постарайся все понять“.
Услышав такое, я в дом воротился,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Снова к матери обратился;
Вновь сказать она не пожелала,
Тайну свою от меня скрывала;
Сел тогда я, стал слезы лить —
Но все не хотела она говорить,
Спать уложила меня потом,
Стала баюкать меня шепотком.
И тогда я решил притвориться,
Что уснул. А сам сквозь ресницы
Следил за нею. И вот она,
Решив, что я уж во власти сна,
Моего бдения не замечая,
Слезы горячие роняя,
Склонила голову надо мной,
Зашептала полночной порой:
„Ушел Урал мой и с тем пропал;
Видно, уже не вернется он.
Сын подрос, коня оседлал —
Но об этом не знает он.
Родился таким же, как и отец,
Бесстрашным, словно с парой сердец;
Кровь же злую отца моего
И поныне земля не впитала.
С тех пор, как дитя ее увидало,
Вконец покинул его покой,
Батыр успокоится ли такой?
Как теперь я с ним поступлю,
Тайну открою? Как стерплю?
Если скажу — он тайну узнает,
Голову в том краю потеряет,
Поедет разыскивать отца,
Одну меня бросит в стенах дворца“, —
Сидя так, моя мать причитала.
Поднялся я, когда светало,
Туда завернул, где та кровь трепетала,
Все вокруг нее я бродил,
„Эх ты, кровь, ты кровь! — говорил, —
Тебя отец, оказалось, пролил!
Когда отец мой сюда ступил,
Ты, выходит, с ним воевала.
Не потому ли ты не остывала,
Что рука батыра тебя проливала?
Еще оттого, что ты грязна,
Ворон не пьет, не вбирает земля,
Лоснясь, лежишь ты, гнилью дыша,
Мукой исходит твоя душа...“
Только такое успел я сказать,
Кровавое озеро стало вскипать.
Когда кипящая капля упала
На белый камень, ушедший в грязь,
Слизь каменистая задрожала
И прямо из грязи речь полилась:
„Мы четыре батыра-раба
Дедушки твоего Катила.
Бились против отца твоего,
Но кровь царя нас в яд превратила.
Даже земля нашу кровь не пьет,
Солнца луч ее не берет.
Воронов выпить ее умоляем —

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Они же в ответ: мол, нет, не желаем.
Мучится наша душа и страдает.
Поди к Уралу, отцу своему,
Всю нашу боль поведай ему:
Пусть снизойдет, нашу кровь оживит,
Пусть в достойных богатырей
Вновь из крова нас превратит“.
Услышав такое, я тайну узнал,
Матери обо всем рассказал.
Недолго она раздумывать стала,
Молча в сторону гор зашагала,
Воронов всех вокруг собрала
И, проводив одного куда-то,
Каждодневно его ждала,
С гор своего не спускала взгляда.
Однажды, не помню, в какую пору,
Шумно назад воротился ворон,
Воду в клюве своем принес —
Была та вода прозрачнее слез;
Мать плеснула на кровь водой —
Четверо встали из крови той.
Тогда сказала батырам мать:
„Позор за отца моего принять
Вам пришлось. Вы кровью атели.
Станьте ж друзьями Уралу на деле —
Всех друзей моего отца
Уничтожьте теперь до конца;
Вместе с сыном моим ищите
Урала по белому свету всему,
Хоть под землей его найдите,
Мой привет передайте ему“.
Взяв четверых батыров с собой,
Осознав, кто отец мой родной,
Что я — Яик — рожден был тобой,
Издаেকে я приехал к тебе,
Чтобы товарищем быть в беде,
Чтобы помощь тебе оказать,
Чтобы рядом с тобой воевать.
Пояс потуже я повязал,
Что есть мочи к тебе прискакал».
Второй:

«Мать мою зовут Гулистан.
Когда мне исполнилось шесть лет,
Змей с Шульгеном из дальних стран
Принесли нам множество бед.
Нашу страну разорить пришли,
В ужас всех людей привели,
В горе покинули мы страну;
Думала о тебе моя мать,
Не переставала горевать.
Когда мы собирались ко сну
И мать в постели лежала больной,
Дивы напали на нашу страну,
Землю всю затопили водой;
Детям и седым старикам —
Всем плоты я изготовлял,
Рассаживал их по плотам,
Сам против змей воевал.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Видя, что мы не сдаемся им,
Что тонуть в воде не хотим,
Что не боюсь я воды и огня,
Стал аркум напротив меня,
В ярости замахнулся мечом.
Но удара я ждать не стал —
Сам в ответ я нанес удар.
Ни в чем ему я не уступал.
Аркумом бешенство овладело —
Помощь дивов к нему подоспела;
Дивы бросились на меня —
Но отбивался достойно я!
От Заркума и дивов его
Не оставил я ничего.
Не считаясь с болезнью своей,
Мать ко мне подошла поскорей,
Увлажнились глаза слезами.
Так она мне тогда сказала:
„Сын! Отец твой Урал-батыр.
От него ты пришел в этот мир:
Нугуш-батыром на свет родился,
В богатырстве с отцом породнился.
Садясь на коня, мое дитя!“ —
Так напутствовала меня мать
И тулпара мне подарила,
Верной дороге меня научила,
Вышла на войну провожать».
Третий:

«Имя матери моей Хумай,
В небо высоко взлетая, она
Слушает что-то, не ведая сна:
„Эй, Урал мой, чей занят ты?
Я плачу, неведенья полна;
Дивы и змея вместе сошлись,
Воедино переплелись“
Землю море покрыло сплошь —
Как его ты переплывешь?
Как ты дивов, что крови хотят,
Всех одолеешь и перебьешь?» —
Так она свою скорбь изливала,
С горькой жалобой причитала.
На меня однажды взглянула,
Глубоко и скорбно вздохнула:
«Коль ты раньше б, мой сын, родился,
На коня своего садился.
Отцу, что в сражении изнемог,
Верной опорой стать бы мог», —
Говорила, меня обнимая,
И беззвучно рыдая сама;
За младенца меня принимая,
Тайну не открывала она.
Когда ночью мы с ней не спали,
В нашу дверь колотить вдруг стали —
Разлетелась вдребезги дверь.
Див вошел — отвратительный зверь.
Руку к матери он протянул:
«Не того ль, кто войну раздул.
Вверх ногами все перевернул,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Кто утесы в горах ломал
И камнями в дивов кидал, —
Не того ль ты жена — Хумай?
Ты ему Акбузата дала,
И счастливою с ним была,
Меч алмазный вручила ему,
Смерти дивов тем предала!
Голову я тебе отрублю,
Вдоволь крови твоей попью
И в огонь твое брошу тело,
Чтоб обуглилось все и сгорело!
Пусть твой муж от вести такой
Потеряет и сон, и покой!»
С тем на мать набросился он.
Увидев меня, остановился:
«Не второй ли это Урал? —
Про себя пробормотал. —
Не от него ли сын родился?»
Так и замерла в страхе мать,
Даже слова не в силах сказать.
Сердце женское оборвалось,
Помутились глаза от слез.
Я ж, ребенком себя не считая,
Гневом яростным закипая,
На злодея напал того.
Одна голова его выдувала пламя,
Другая яд источала губами;
То он меня гнул, то я его.
В руках моих не было ничего.
Но жестоко я с ним сражался,
В силе диву не уступил,
Наземь с грохотом повалил,
Так его мерзкую глотку сжал.
Что из пасти вдруг кровь пошла.
Потом подмял его под себя.
Застонал див, бессильно хрипя.
Под ударом последним он
Вопль издал и жалобный стон,
А потом и дух испустил.
Кровью весь дворец затопил,
Мать, по пояс пройдя в крови.
Подала мне испить воды,
Счастьем лик материнский светился:
«От батыра батыр родился!
Стал героем ты, как отец.
Хоть тело детское у тебя,
Хоть сердце юное у тебя,
Вышел из тебя молодец.
Отец в одиночестве битву ведет,
Душу его тоска гнетет;
Пусть тяжело не будет ему одному,
Пусть враг не сломит волю его.
Иди и будь спутником ему,
Опорой в сраженьях будь для него», —
Так ко мне обратилась мать.
И вышел в путь я, тебя искать;
Я — твой сын, Идель меня звать,
Пришел, чтобы вместе с тобой воевать.
Четвертый:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

«Мать мою зовут Айхылу.
Отца моего звали Шульген —
Он приходится братом тебе.
Черный путь он выбрал себе.
Много крови людской пролил,
Врагом человечества прослыл,
Из-за него исстрадалась мать.
Пожелтела, воску подстать.
Как-то меня к себе призвала
И такой рассказ повела:
„Знай: от Луны я рождена,
Что озаряет ночную мглу.
Мать любила очень меня;
Когда я стала жертвой Шульгена,
Потускнела ока мгновенно,
Вся печалью серой покрылась,
Темной думою замутилась;
Каждый день ее меркнет взор,
Слабнут лучи, что мой видят позор;
Раньше соперницей солнца была —
Теперь его свет вбирает сама.
Отец мой тоже позор испытал —
Затем, что жертвой обмана стал,
И, видно, горем объятый весь,
Ныне вовсе куда-то исчез.
Дам тебе рыжего я коня,
Предназначенного для жениха;
Поскорей на него взбирайся,
Вместе с Иделем в путь отправляйся
И по следам батыра Урала
Скачи вперед“, — мне она сказала,
„Будь Сакмаром“, — сказала она,
Не жалеть себя наказала.
Сыном быть твоим приказала».
Урал выслушал всех подряд,
Насладился он их речами.
Был он невыразимо рад
Тому, что собственными глазами
Увидеть егетов ему привелось.
Радость великую он вкусил.
Полный новой отваги и сил,
Вновь забрался он на коня;
В окружении своих сыновей
Продолжал против дивов войну,
Очищая от них страну.
Месяц сражались они, говорят,
Год сражались они, говорят.
В одном из жестоких боев Урал
На Кахкаху наконец напал,
Вспенив море, барахтался он.
Испускал крик истошный и стон,
Вопль его разносился, как гром.
Из кусков его тела потом
Сложили еще одну гору;
Дивам и Шульгену на горе
Надвое море разделила гора.
Шульген тут голову потерял.
Что делать, как поступить, не знал.
Оставшихся на его стороне

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Всех до единого собрал;
И тогда против выживших дивов
Битву снова начал Урал.
Когда жестокие битвы шли,
Когда, бурля и пеной вскипая.
Клокотала вода морская,
Брата своего Урал
Неожиданно повстречал.
Братья схлестнулись между собой.
Разгорелся упорный бой.
Жезлом Шульген на него замахнулся,
Хотел Урала огнем спалить,
Колдовством его жизни лишить.
Только Урал не растерялся,
Тут же вынув алмазный меч.
Нанес удар сокрушительный встречь;
Гнев его стократно возрос —
Жезл тот вдребезги он разнес.
Что после этого началось! —
Грянул гром, стало озером море.
Дивы, оставшиеся без воды,
Испытали великое горе.
Урал же Шульгена выловил вскоре.
Акбузат и четыре батыра
Продолжали дивов громить.
Шульген со всеми гадами мира
Брата не смог своего победить.
Пыл последний его пропал —
Он с седла на землю упал.
Тут Сакмар на отца метнулся
И мечом своим замахнулся;
Но трогать его Урал запретил —
Сакмар неохотно меч опустил.
Урал людей к тому месту собрал;
Так пред всеми Шульген предстал.
«С детства коварным злодеем ты рос,
Кровь запретную выпивал.
Словом родителей пренебрегал.
Злоба правила лишь тобой,
Всею черной твоею судьбой;
С дивами плавал в крови людской,
Землю всю затопал водой,
Выжег огненной пеленой;
Только с дивами был знаком,
Людям стал ненавистным врагом,
В камень сердце свое превратил,
Отчий лик ты навек забыл.
В дороге другом тебе я был:
Выбрал девушку ты — я не перечил,
Выбрал коня — я не противоречил;
Славу в мире хотел найти —
Я не стал поперек пути.
Жезл вложил я в руки твои —
Ты к насилью вернулся опять.
Кровь хотелось тебе проливать;
Страну в великий разор ты вверг,
Многих людей в воде утопил,
Сам подчиниться дивам решил,
Верой-правдой им служил,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Кровь человечью дал пролить,
Царя благородного чистую дочь,
Греющий жизнь его нежный цветок,
Выдать я за тебя помог.
Надеясь, что сердце твое уймется;
Ждал я, пока не вышел срок.
Только слова ты не сдержал,
Так на честный путь и не встал.
Слову отцовскому не внял,
Материнский завет растоптал,
Всю страну затопил водой;
Чтобы сородичей кровь пролить,
Дивов злобных привел с собой,
На людей их повел войной.
Твердь земную, что ровной была,
В ямы и бездны желал превратить.
Зло добротой сокрушено —
Никогда не вернется оно!
Понял ли ты теперь, что зло
Будет побеждено добром?
Понял ли ты, что человек
Будет выше дивов во всем?
Отныне туши тварей твоих
Станут землей для существ живых.
Отныне войско Кахкахи
Будет войском без рук, без ног.
Коль, землю целуя, слово не дашь,
Голову перед людьми склонив,
Клятву священную не дашь,
Коль не признаешь, что слезы людей
Лишь на совести черной твоей,
И, повстречавшись с нашим отцом,
Не расскажешь ему обо всем.
Голову тебе отрублю,
В муку-толокно ее сотру,
Вымарав тело твое в крови.
На горе из телес Азраки,
Что называется Ямантау,
Так и быть, похороню;
В черную скалу тебя превращу,
К которой живая душа не придет —
Ни через месяц, ни через год;
Не помянет никто добром,
Трава не взойдет на месте том;
От солнца потрескаешься ты,
Для змей, что ползают средь темноты,
Для коршунов, замышляющих зло,
Для стервятников, что на земле
Добычу высматривают себе,
Станешь прибежищем ночью и днем —
Вот такую ты станешь скалой!» —
Вынес Урал приговор такой.
Шульген неподвижно ему внимал.
Боясь, что брат его впрямь убьет,
От перепуга весь дрожал.
И вот, заикаясь, он слово дает:
«Создано черным колдовством
Озеро это — источник зла.
Лицо свое я умою в нем,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Чтоб со своим распрощаться злом;
Чтобы коварства вовек не творить,
Черных дел вовек не чинить,
Буду всегда и всюду с тобой.
Дорожить буду дружбой людской,
Тем постараюсь славу добыть,
Чтобы верно стране служить;
Урал, дай след твой поцеловать,
Братом позволь тебя назвать,
Вместе жизнью одною жить,
Мать свою и отца повидать,
Слово клятвенное дать!»
«Кровь запеклась на твоём лице —
Не отмоешь в озерной воде.
Захлебнулось сердце в крови —
Не вернешь его к правоте;
Сквозь воду прошедшие и огонь,
Люди уже не поверят тебе;
К ним ты черную злобу питал,
Камнем проклятия ты стал,
Только огнем и был для них ты.
Семена блага и доброты
С рожденья покинули тебя;
Пока ядовитое сердце твоё
Смягчится — камень скорее растает,
Доброту оно не познает,
Все святое оно распинает.
Если хочешь людей полюбить,
Если вместе с ними, в стране
Отныне хочешь батыром быть,
То считай злодеями тех,
Кто врагами стал для людей.
Кровь врагов тех в озеро слей
И омой лицо своё в ней.
Против людей ты дивов водил,
Кровь людскую нещадно лил,
Злодейство за славу почитал,
Доброту за позор принимал;
И в гордыне своей теперь
Мечешься, как разъяренный зверь.
Пусть почерневшая кровь твоё
Напоминаям о прошлой судьбе
Будет сердце твоё сжимать,
Тело болью одолевать;
Пусть скверная кровь, что в тебе течет,
Иссохнув, красный цвет обретет.
Тогда человеком станешь опять,
С нами останешься в нашей стране,
Будешь батыром на войне», —
Так заключил Урал свою речь.
Гора у Шульгена упала с плеч.
Шульген стал Урала снова просить,
Землю слезами пред ним кропить:
«Лев, на котором я ездил верхом,
Дважды споткнулся подо мной.
Дважды его я ударил так.
Что брызнула кровь из него струей;
Потом и в третий раз он споткнулся —
Ко мне в смятении обернулся:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Мол, не споткнусь я в пути опять!
И припустился снова бежать.
Я тоже больше его не бил.
Не бранил его, не колотил.
Так Шульген, что тебе был брат,
Промахнулся два раза подряд,
Вселил в твое сердце горе и гнев,
Ведь я и есть — спотыкавшийся лев;
В третий раз мне уйти позволь,
Лик почерневший я свой отмою,
С обеленным лицом пред тобою
Я предстану и, землю целуя,
Стану равным среди людей,
Стану жить я в стране твоей».

Урал решил его просьбе внять,
В последний раз его испытать;
Коль, честь потеряв, муж с дороги собьется
Все утратит он в жизни своей;
Коль зло затаит он против людей,
Ночью светлый день обернется.
Тому, чья душа истекает злобой,
День будет мраком глаза затмевать;
Будет он ночью охотиться, чтобы
Птиц, ослепших во тьме, подбивать.
Если ночь для людей настанет,
Она тебе покажется днем.
Сородичей ты убивал непрестанно,
Черную славу обрел на том.
Лучше дивов, что были врагами
Нам, у тебя не бывало друзей.
Засияет луна для людей.
Когда же погасает луна, не знал ты,
Что вспыхнет ярчайшее из светил;
Своими главами теперь увидал ты,
Что этот свет наконец наступил.
Для тебя же и дивов зловещих
Черная ночь наступила навечно.
Море, где плавали дивы толпой,
Обернулось навек землей,
Азрака, царь проклятый твой,
Обернулся навек горой.
От злодея и девушки чистой
Родился Сакмар — богатырь неистовый.
Коль наконец понять ты сумеешь,
Что радость утраченную обрели
Мужчины, которых терзали змеи,
Девушки, что в плену их желтели, —
Красавцы дивные нашей земли.
Знай наконец, что, вот так сражаясь,
Вечною злобой против людей,
Их безжалостно уничтожая,
Если поймешь наконец все это,
Если с коварством расстанешься ты,
Если из тьмы повернешься к свету,
Коль силы найдешь поучиться добру
У льва своего, что споткнулся в пути,—
Еще раз исполню я волю твою.
Во имя чести отца моего,
Памяти матери моей,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Последний раз испытаю тебя,
Последний раз внемлю просьбе твоей.

Глава 9

О том, что сказал старик, изнемогающий от невозможности умереть; как Урал-батыр набрал в рот воды из Живого родника, но не сделал и глотка — опрыснул тою водой землю вокруг себя, и вся она ожила.

Отпустив Шульгена, Урал
Так собравшимся людям сказал:
«Смерть, что зрима была для глаз,
Выгнали мы из страны своей.
Дивов, что пили кровь из нас.
Сделали твердью горных цепей.
Воду Живого родника,
Зачерпнув, принесем сюда —
Пусть всем достанется та вода.
От Смерти же, что скрыта от глаз,
От болезней, что точат нас,
От болей и мук, гнетущих от века.
Человеческий род спасем,
Бессмертным сделаем человека
Радость в каждое сердце внесем!»
Когда вот так говорил Урал,
Старик какой-то приковылял.
Тяжко вздыхал он, горько стонал,
Смерть-спасительницу призывал.
До предела иссохшее тело
Все, казалось, в суставах скрипело.
Так он долго на свете жил,
Что отца и мать позабыл.
Так обратился к народу он:
«Пережил много я поколений,
Много разных прошел владений,
Был свидетелем тех времен,
Когда мы не знали родства и имен,
Не боялся никто ничего,
Дитя не знало отца своего;
Видел, как люди вместе селились,
Как по парам они сходились.
Сильное племя слабое грабило,
Змеи и дивы считали, что вправе
Безжалостно на людей нападать,
Одних пожирать, чтоб за их счет
Наращивать число своих голов,
Остальных — обращать в рабов;
Вел кичливо себя их род,
В страхе держали дивы народ,
Проливали потоки слез —
В такое время егетом я рос.
Что значит Смерть, я тогда не знал,
Сирот обиженных не замечал;
Когда прибирали к рукам своим
Пленников дивы одного за другим,
Смерть пред глазами моими предстала;
Но знал я: день счастливый придет
И когда-нибудь мой народ
Родит на свет такого батыра,
Который на змей, кишащих по миру,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Беспощадной войной пойдет;
Что люди, чьи очи мутны от слез,
С улыбкой поднимутся в полный рост,
Полной грудью вздохнут наконец,
Счастливо заживут наконец —
Такого часа пред смертью я ждал;
Чтоб Смерти душу не отдать,
Чтоб праздник тот самому увидеть,
К роднику живому припал.
Смерть я часто и раньше встречал,
Грозно дышала она на меня,
К самой глотке нож подносила,
Саблю не раз на меня точила,
Не раз ломала она меня,
Но одолеть меня не могла,
Взять мою душу не в силах была,
Плоть в моем теле убить не могла.
Со Смертью на равных я сражался.
Праздника вот наконец дождался,
Потому и пришел сюда;
Мой привет примите, друзья.
Вот счастливые лица людей
Вижу сквозь сумрак своих очей,
Человеческого существа
Я богатырство и мощь постиг.
Теперь без страха могу умереть —
Горы, что ты из дивов воздвиг,
Эта каменистая твердь,
Могут обителью стать для людей,
Приютить и птиц, и зверей,
На любой из воздвигнутых гор
Они для жизни найдут простор.
Будет потомство людей умножаться.
Слезы забыв, оно станет смеяться,
Обживется и счастье найдет,
Прошрое в песнях своих воспоеет.
Понял я, что на земле этой вечной
Будет вечен и род человеческий.
Явился спасителем ты для людей,
Стал для них ты светом очей,
Первым среди батыров ты стал,
Против зловещих сил восстал,
Достоин того, чтоб тебя воспели
Все грядущие поколенья.
Чтоб ты счастье стране добыл,
Твой отец тебе жизнь подарил,
Молоко тебе мать дала;
Душа твоя твердой к врагам была,
А к друзьям — и добра, и светла —
Таким батыром возрастили тебя,
Посадили на верного льва.
С той, чья душа нежностью полна,
С красавицей, что солнцу подобна,
С волшебницей, чей прекрасен стан, —
С Хумай тебе встретиться было дано,
Акбузата оседлать суждено,
Несравненного коня,
Что пламенем вспыхнул против огня,
Против воды вскипел водой,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Против ветра вознесся горой.
На врагов метнулся войной, —
С ним на дивов ты поспешил,
Воду морскую иссушил.
Счастьем всю землю наделил,
А стране благоденствие дал —
Таким батыром тебя я узнал.
Сам же я вот таким предстал:
Трепещет душа моя, как мотылек,
Крови во мне — на один глоток.
Суставы и кости вконец раздробились,
Только тело не развалилось.
Помутился рассудок мой,
Жить больше не в силах жизнью такой,
Пытался Смерть я к себе призвать,
Ей хотел я себя отдать,
Но душу мою она не взяла,
Слова такие произнесла:
„Из Живого ты пил родника,
Неподвластен мне стал на века,
Душу твою не смогу я убить,
Б мертвеца тебя превратить;
Обессилеть, но будешь жить,
Мукой бессмертия исходить.
Сгнившее тело черви источат,
Но умереть оно не захочет.
Из мира этого ты не уйдешь,
От страданий с ума сойдешь“.
Таким, егет, я пришел к тебе,
Все поведал я о себе,
Постарайся меня понять,
Есть у меня, что тебе сказать:
Горький мой опыт дней прожитых
Поможет от бед избавить других.
Желая вечно на свете жить,
Неподвластными Смерти быть,
Власть ее принять не желая,
Не пейте из Родника Живого!
Мир — это благоухающий сад,
А существа, живущие там,
Подобны растениям и цветам
Одни тот сад засоряют собою,
Другие растут, восхищая красою,
Разные краски и уют
Саду растения те придают.
То, что Смертью мы зовем.
Прозвища злые кому даем, —
Вечности нетленный закон.
Мир от гнильи очищает он.
От больных и увядших трав
Навсегда очищает он.
Освежает он жизни сад.
Не желайте же вечными быть,
Из Родника Живого испить!
То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание —
Это добро и благодеяние.
В огне не сгорит — благодеяние,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

В воде не утонет — благодеяние,
На неба возвысится — благодеяние.
Останется в памяти — благодеяние,
Оно — голова всех дел.
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел».
И слова старика услышав.
Смысл глубокий их осознав.
Вместе со всеми людьми Урал
В дорогу дальнюю зашагал.
И вот перед ними Родник Живой —
Рот наполнил Урал водой,
На стежку, что проложил он сам,
На горы, что поднял к небесам.
Прыснул тою водой, говорят:
«Пусть зеленеют голые чащи,
Пусть цвет бессмертия обретут,
Пусть птицы щебечут звонче и слаще,
Пусть люди веселые песни поют!
Пусть враг бежит из нашего края,
Черной завистью истекая!
Пусть эту землю любит народ,
Пусть садом прекрасным она расцветет.
Пусть сердце врагов красотой изведет!» —
Так Урал громогласно изрек.
Там, куда брызги воды полетели,
Разом выросли сосны и ели;
В стужу любую цвет не теряющая,
В жару любую не засыхающая,
Неуязвимая для насекомых.
Для червей и жуков ползучих,
Распустилась зеленая хвоя
И навечно осталась такою.
До Шульгена дошла та весть.
«Отныне у меня защитница есть,
Которая будет людей хватать,
Убивать и со света сживать.
Моя защитница — это Смерть,
Нет преград теперь перед ней,
Будет мне помогать она
Нещадно уничтожать людей», —
Так про себя подумал Шульген.
Змей и дивов он всех собрал,
Обо всем, что знал, рассказал,
Строго-настрого наказал:
Людям ни капли воли не давать,
Власть Урала не признавать.
Дни и месяцы миновали.
Люди жилье себе сооружали,
В гости друг к дружке ходили,
Полной чашей веселье пили,
Сватали за женихов невест.
Был спокоен и счастлив любой.
Среди тех беспокойных мест
Установились мир и покой.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

О том, как в гневе на злодеяния дивов Урал выпил озеро, где они прятались; как проникшие в его нутро змеи изгрызли сердце батыра; о том, что сказал Урал-батыр перед своей смертью; о том, как расселились люди на склонах Урал-тау, как там же расплодились звери, животные и птицы, как им не стало хватать воды; как образовались реки Идель, Сакмар, Нугуш, Яик; как люди зажили в благополучии, забыв о прошлом лихе и бедствиях.

Но вот опять был нарушен покой:

Девушек, шедших за водой,
Мужчин, идущих лесной тропой,
Дивы стали подстерегать
И у самой воды глотать;
Выпивали их кровь, говорят,
Вырывали сердца, говорят.
Змеи выползали из щелей,
Жалили нещадно людей.
Всех их снова ужас объял,
Каждый пред гадами трепетал;
Вновь к Уралу толпой пришли,
Сквозь слезы о дивах заговорили.
И решил он народ сплотить,
Дивов злых до конца истребить;
Только те об этом прознали,
Из воды вылезать перестали.
Долго Урал размышлять не стал,
Иделю, Нугушу, Яику,
Сакмару и другим батырам —
Войском своим управлять наказал;
Меч алмазный вырвал потом,
Акбузата оседлал,
Вызывая и шум, и гром,
На Акбузате помчался он,
Бурю на земле поднимал,
Волны из воды исторгал;
К озеру дивов прискакал:
«Выпью озеро это сполна.
Иссушу до самого дна,
От дивов, оставшихся в живых,
Кто людям жить на земле не дает,
От шульгенов и гадов других
Навсегда избавлю народ!»
Стал он озеро выпивать —
Начала в нем вода клокотать;
Дивы испуганно загалдели —
Спрятаться от батыра хотели.
Только пил все Урал и пил,
И див за дивом в него входил.
Много их в нем скопилось внутри,
Зубы у каждого остры,
Грызли они его сердце и душу.
Озеро выплеснул он назад;
Дивов, выскакивающих наружу,
Всех убивали батыры подряд.
Не в силах на ногах устоять,
Не в силах больше воевать,
Урал на месте том же упал.
Народ повалил тут за валом вал.
«Он счастьем народа был до конца!» —
Осиротевший народ рыдал.
Урал:

УРАЛ-БАТЫР.РФ

«Своими глазами видели все вы,
Как дивы в мое проникали чрево,
И каждый сердце мое терзал,
Внутренности на части рвал.
Вот что, народ мой, тебе я скажу:
В омутах и озерах глубоких
Будут дивы таиться и впредь.
Будут пытаться они ненароком
Душой и телом людей завладеть,
Будут мстить каждый день, каждый час,
Всюду преследовать будут вас,
Чтоб вашей смертью смыть свой позор;
Не пейте воду из этих озер —
Только болезни от них и мор,
Воду их обходите стороной,
Пусть потеряют злодеи покой.
Против дивов я начал войну,
Очистив озера от них,
Страну
Помог народу вновь обрести;
От тех, кто вел себя как злодей,
Я стремился избавить людей;
Опорой в пути мне был Акбузат,
Опорой в борьбе — мои славный булат;
Земля родная была мне, как мать,
Надеждой и верой она мне была,
Коль нужно мне войско было собрать —
Достойных богатырей дала;
Бывало, успехом своим упоен,
Совета не спрашивал я у других,
Собственным все решал я умом,
Меня лишь вините в ошибках моих!
Слушайте, дети, вам говорю,
Слушай, страна моя, тебе говорю:
И львом храбрейшим будучи мира,
С рожденья имея имя батыра.
Все же, страну свою не обойдя.
Вброд ее горе и кровь не пройдя,
Сердце свое нельзя закалить;
Чтоб заодно с врагами не быть.
Без совета дела не вершите!
Дети, словам моим внимайте:
На земле, очищенной мною.
Людям добудьте счастье земное;
Будьте мудрыми на войне.
Чтобы славу добыть стране,
Сами стремитесь батырами стать;
Старших умеете почитать.
Их советом не пренебрегайте,
Но и тех, кто младше, не забывайте —
Вам растить их и поднимать.
Коль в чьи-то глаза угодила соринка,
Которая может их сделать слепыми,
Станьте ресницами глаза для них вы,
Сор тот смахните руками своими,
Акбузат мой, алмазный меч
Тому перейдут в моей стране,
Кто, богатырски держась в седле,
На этом яростном скакуне

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Сечь врагов будет на войне;
Тому же, кто на путь предательства ступит,
Меч этот будет вовек недоступен.
Сыны! Матерям передайте своим:
Пусть за все Урала простят.
Пусть каждая скажет: „Был он мужем моим“.
А всем вам вместе напомним о том:
Пусть станет добро лишь вашим конем,
Пусть имя будет вам — человек,
Злу не давайте дорогу вовек.
Пусть мир и добро пребудут вовек!»
Слова те напутственные сказал
И скончался батыр Урал.
Скорбь унять не имея сил,
Голову низко народ склонил.
Звезда падучая мглу прорвала —
Для Хумай она весть принесла;
Хумай надела птичий наряд
И прилетела сюда, говорят,
И губы мертвого Урала,
Говорят, она поцеловала:
«Ай Урал ты мой, Урал,
К тебе живому я не успела,
Не слыхала, что ты сказал,
Душу утешить не сумела.
В юности встретила тебя,
В радости сбросила птичий наряд,
Девушкой обернулась я;
Когда со змеями ты воевал,
Когда дорогу добру открывал —
На моем Акбузате верхом,
В руке с моим алмазным мечом,
Самой счастливой я в мире была;
Застать в живых тебя не смогла.
Ты губы мои не поцеловал.
Не знаю, что бы ты мне сказал.
Как без тебя я буду жить?
Кем буду в жизни дорожить?
Кто сможет взор мой заморозить?
Хоть имя есть — Хумай — у меня.
Хоть люди знают, что женщина я,
Я птичью шубу уже не сниму,
Облик, в который можно влюбиться,
Больше никогда не приму.
Батыра такого уже не найду,
Матерью батыра стать не смогу.
Птицею жизнь я буду вести,
Яички бесплодные буду нести;
Дитя родится — птицею будет,
Цвета белого оно будет.
Как самые чистые мысли твои.
Что для тебя я сделать смогу?
У дороги, где ты скакал,
На горной гряде, что ты создавал,
Вырыв могилу, похороню,
Навек тебя в сердце своем сохраню.
Путь великий, где ты скакал,
Не зальет никакая вода;
Горы, которые ты создавал,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Примут в свои объятия тебя,
Будут прах твой вечно хранить,
Будут вечно на свете жить.
Когда-то море ты здесь осушал,
Самым первым батыром стал,
На берегу страну основал;
Отныне, в объятиях могучей горы,
Будешь светочем ты страны,
Будешь светлой душой для людей,
И мертвый, будешь живых ты живей,
Еще прославленной будешь ты,
Немеркнувшим золотом будешь ты;
Человечий возвысив род,
Слава твоя на земле живет!»
И, такие слова сказав,
Похоронила его в горах,
Улетела она, говорят,
Решив не возвращаться назад.
Дорога Урала — великие горы,
Могила Урала — высокие горы,
Название приняли то же — Урал.
По истечении долгих лет
Загрустила она по Уралу,
Вдоль дороги, что он проложил,
Махая крыльями, пролетала,
Опустилась на гору-скалу.
Думая об Урале, грустила.
Позднее вывела там птенцов,
Белых лебедей расплодила.
И об этом узнали все.
Говоря: «Это птица Хумай»,
Лебедей за родных принимали,
Охотиться на них запрещали;
Не ловить благородных птиц
Между собой договорились —
Оттого птицы те расплодились.
Поэтому мясо лебедей
Навеки запретно для людей.
Много громов с тех пор отгремело.
Один за другим года пронеслись.
И вновь Хумай сюда прилетела,
А потом животных и птиц
За собой она привела:
Дескать, здесь благодатна земля,
На Урал возвратилась вновь;
Храня к ней привязанность и любовь,
Пришли-прилетели вереницей
Звери, животные и птицы.
Узнав, что все твари сошлись туда,
Что там никому не грозит беда,
Бык Катилы племя свое,
Которому отроду был вожаком,
На отроги Уральских гор,
Туда, где благодатен простор,
Привел, чтоб вместе со всеми жить,
Голову перед людьми склонять.
Акбузат по странам бродил,
Лошадиный род единил,
Во главе табунов сам шел,

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Всех затем он сюда привел в.
Когда обжились и с раздольями свыклись,
Здесь и лошади расплодились.
Каждый день и месяц Урал
Все живое в себя вбирал.
Дни прихода птиц и зверей
С тех пор и стали для людей
Названием месяцев и годов —
Стад подсчет их с тех пор таков.
После того как умер Урал
И в землю прах его превратился,
Могила вдруг его засияла;
Люди, что видела свет небывалый,
К могиле его сходились толпой,
Каждый землю трогал рукой,
Славя землю могилы той.
Постепенно на месте том
Золото залегло пластом.
Расплодились звери и птицы.
Не стало хватать воды, чтоб напиться
(Не пил из озер никто из людей).
Тогда к Иделю и Яику,
Нугуш-батыру и Сакмару,
Собравшись вместе, люди пришли
Со всех сторон уральской земли,
И, не в силах печали скрыть,
Стали спрашивать, как им быть.
Идель тогда в задумчивость впал,
Меч отцовский молча достал.
На Акбузата верного сел
Отовсюду народ собрал:
«Пока в воде, какую мы пьем,
Пока на земле, где все мы живем,
Злобные силы еще таятся.
Людям не обрести покоя —
Будут они своей тени бояться.
Против Шульгена войну откроем,
Избавим страну от врагов навсегда,
Будет тогда у людей вода.
Мир и покой придут навсегда».
Едва успел он слова те сказать,
Как Хумай появилась опять,
И так сказала ему Хумай:
«Егет, что от батыра рожден,
Будет ли робостью сокрушен?
Кто мог знать, что мужчина придет,
Который дорогу в море проложит,
Горы из поверженных дивов сложит,
Всю морскую воду иссушит,
Людей расселит на созданной суше?
Ни у кого, кто на свете живет,
Мыслей подобных не возникало;
Хоть остался лишь прах от Урала,
Все же меч его — он с тобой,
Акбузат — всегда под рукой;
Отец твой из дивов горы возвел,
Дороги остались там, где он шел,
Воду очистил от злобных сил.
Страну воедино объединил.

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Так, умирая, он завещал:
„Не надо воду из озера пить.
Жизнь свою понапрасну губить“,—
Так перед смертью он сказал.
Если с Шульгеном войну начнешь.
Если даже его разобьешь,
Другой в озерах не станет вода;
Как материнское молоко.
Не вспоят страну никогда!»
Идель, услышав эти слова,
Задумался, сошел с седла.
Меч, который оставил Урал,
В руки могучие он взял,
На высокую гору взошел
И такие слова сказал:
«В руках отцовских алмазный меч
Мог змей в дивов-драконов сечь;
От Урала пришедший в мир,
Достоин ли имя носить — батыр,
Кто мужчиной меня назовет,
Если жаждой страдает народ
Без воды, без живительных рек?» —
Так промолвил Идель, и вот
Гору мечом он алмазным сечет;
Воды, белые, как серебро.
Заструились тотчас с горы,
Прохладные понесли дары.
Им путь преградила гора Ямантау,
Которую когда-то Урал
Из туши Азраки создал;
Вновь размахнулся Идель что есть сил
И гору напополам разрубил.
Дальше устремилась река;
Гора, на которой Идель стоял,
Там, где весело он скакал,
Откуда, выбилась та река,
Название приняла — Иремель.
Клин горы, запрудившей реку,
Там, где Идель ее разрубил,
Кырыкты называться стал.
Иделем добытая вода
Название реки «Идель» приняла навсегда
Каждый пил, воде этой рад;
И, следя за ее теченьем,
Счастья исполненный и волненья,
Песню такую пел, говорят:
«Иделем вырубленная река,
По долинам сухим потекла,
Сладка Идель и горька она,
Высушит всю твою печаль
И кровавые слезы до дна.
Пел песни народ о счастье и мире,
О славном сыне Урала-батыра,
Сладка Идель и горька она,
Высушит всю твою печаль
И кровавые слезы до дна.
Все в один голос его прославляли.
Высохли слезы, исчезли печали.
На берегах Идели-реки

УРАЛ-БАТЫР.РФ

Стал всюду расселяться народ,
Разводить там домашний скот;
Разрасталось число людей,
Становилось им все тесней,
Не хватать им стало земель,
Все сужалась река Идель.
Потом батыры вместе сошлись;
Батыры Яик, Нугуш и Сакмар
На поиски новых рек разбрелись.
Подобно Иделю, каждый из них
Мечом рубили земную твердь.
Три реки, из глубин земных
Вырвавшись, в стороны растеклись.
Четыре батыра народ пригласили,
На каждого из четырех поделили.
На долинах четырех рек
Стали строить они жилье,
Расселились там навек.
Батыров тех четырех имена
Четыре реки затем получили;
Во всех поколениях, во все времена
В сердцах потомков батыры те жили».